

ЧАРЛЬЗ
МАРТИН
КОГДА ПОЮТ
СВЕРЧКИ

Чарльз Мартин

Когда поют сверчки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10305734

Ч. Мартин. Когда поют сверчки: Э; 2023

ISBN 9785005802002

Аннотация

Мужчина с тяжелым прошлым. Ребенок без шанса на будущее. Возможно, встреча изменит их навсегда – но так ли просто вылечить израненные сердца?

Сонный летний день, энергичная семилетняя девочка в торгует лимонадом в киоске. А из-под красивого желтого платяца проглядывает уродливый шрам, и последний покупатель – мужчина с печальными глазами и густой бородой – слишком хорошо знает, откуда этот шрам появился. Но он и не представляет, как переплетутся их судьбы, когда из-за поворота выскочит грузовик.

Может, на этот раз за поворотом скроется не только трагедия, но и чудо?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	39
Глава 3	47
Глава 4	59
Глава 5	65
Глава 6	80
Глава 7	87
Глава 8	91
Глава 9	94
Глава 10	100
Глава 11	109
Глава 12	116
Глава 13	127
Глава 14	130
Глава 15	136
Глава 16	147
Глава 17	152
Глава 18	159
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Чарльз Мартин

Когда поют сверчки

Чарльз Мартин

* * *

Стиву и Элейн

Пролог

Я толкнул ручку, и сетчатая дверь, тихо скрипнув, отворилась, вспугнув двух колибри, ссорившихся над кормушкой. Шорох их крыльев затих высоко в ветвях кизила, и почти в то же самое мгновение по небу скользнули первые лимонно-желтые лучи утреннего солнца. Казалось, кто-то раскрасил накануне вечером небесный свод в густо-синие и лиловые тона, а затем смахнул темную краску ватными тампонами облаков и засыпал освободившееся пространство золотой крошкой. Я наклонил голову и исподлобья посмотрел вверх. Небо немного напоминало гигантскую гранитную столешницу, обращенную лицевой стороной к земле. Быть может, подумалось мне, как раз сейчас где-то там, высоко в небесах, Господь тоже пьет свой утренний кофе. Вся разница между нами заключалась в том, что Ему не нужно было читать письмо, которое я сжимал в руке, поскольку Он и так знал, что́ в нем...

Прямо передо мной широкая Таллала вливалась в озеро Бертон. Похожая на прозрачное зеленоватое стекло, река была неподвижной, но я знал, что ровно в семь с оглушительным треском моторов эту безмятежную водную гладь нарушат гидроциклы и катера, и на берега начнут накатывать маленькие беспокойные волны, произведенные ими. Да, еще немного и солнце поднимется выше, чтобы двинуться на за-

пад, так что к полудню воздух согреется, а вода засверкает так, что на нее будет больно смотреть.

С письмом в руке я спустился с заднего крыльца и, осторожно ступая босыми ногами, вышел на причал. Чувствуя, как поднимающийся от воды туман касается моих ног и лица, я двинулся вдоль стены эллинга и поднялся по лестнице на его крышу. Там я сел в натянутый между столбами навеса гамак, подставил лицо солнцу, сунул палец в небольшое медное кольцо, привязанное к короткому шнуру, и, потянув его на себя, стал медленно раскачиваться.

Если Бог там, наверну, действительно есть и в этот самый миг пил утренний кофе, Он, должно быть, уже приканчивал вторую чашку, поскольку небо совсем посветлело и засверкало яркой утренней синевой, и лишь кое-где на нем задержались едва различимые темные полосы.

Еще какое-то время я слушал тишину, зная, что долго она не продлится. Какой-нибудь час – и над озером зазвонит смех детей, катающихся на автомобильных камерах; подростки на гидроциклах и пенсионеры на резиновых лодках распугают канадских гусей, лакомящихся кусками белого хлеба, разбросанные для них каким-то поднявшимся вместе с солнцем любителем птиц, которые чуть покачиваются на воде, словно сказочная дорога из желтого кирпича. Ближе к обеду на десятках пристаней и причалов зачадят грили, мангалы, над водой потянется запах хот-догов, гамбургеров, копченых устриц и острых сосисок. Во дворах и на подъезд-

ных аллеях, которые в здешних местах непременно наклонены к озеру, лежащему словно на дне гигантской салатной миски, люди, невзирая на возраст, станут кататься по орошаемым шлангами пластиковым дорожкам, играть в тени деревьев в подкову, потягивать мятный джулеп или коктейль из текилы с лимонным соком или просто сидеть на крышах сараев для лодок, болтая ногами. К девяти вечера почти все владельцы прибрежных домов достанут приготовленные заранее фейерверки, и над озером зазвучит праздничная канонада, в воде отразятся алые, синие, желтые и зеленые огни, которые будут осыпаться вниз мерцающим дождем. Родители будут, задрав головы, смотреть в небо, дети – смеяться и вопить, собаки – лаять и натягивать цепи, оставляя глубокие следы в коре деревьев, к которым они привязаны. Кошки бросятся на поиски убежища, ветераны погрузятся в воспоминания, влюбленные возьмутся за руки и потихоньку ускользнут в дальние рощи на берегу, чтобы купаться голышом в темной теплой воде, где их никто не увидит. Все это и составляет ту симфонию свободы, которая сопутствует главному празднику лета – Дню независимости.

Наверное, во всем Клейтоне, штат Джорджия, только у меня не было ни фейерверков, ни сосисок и никакого желания расцветивать небо вспышками химического огня. Мой причал так и останется темным и тихим, мангал – холодным, полным старой золы и запылившейся паутины. Свобода была для меня чем-то далеким – как слабый, едва повеявший

аромат, который кажется хорошо знакомым, вот только, откуда ты его знаешь, вспомнить не удастся. Если б я мог, я бы проспал весь сегодняшний день как какой-нибудь современный Рип ван Винкль; я бы открыл глаза только завтра и со спокойной душой зачеркнул Четвертое июля на своем календаре. Увы, сон для меня почти столь же недостижим, как и свобода, к тому же он никогда не бывает крепким. Уже много лет я сплю урывками, по два-три часа в сутки, не более.

Так я лежал в гамаке с кофе и пожелтевшими воспоминаниями. Поставив кружку на грудь, я руками сжимал смятый нераспечатанный конверт. За моей спиной по-прежнему поднимался туман; он закручивался крохотными спиралями, которые, изгибаясь и танцуя, бесшумно и неторопливо плыли сквозь нависающие ветви кизила и таяли футах в тридцати над землей.

Надпись на конверте, сделанная ее рукой, сообщала, когда именно я должен прочесть письмо. Если бы я послушался, то прочел бы его еще два года назад. Но я не сделал этого, не собирался я вскрывать конверт и сегодня. Возможно, я просто не мог. Последнее прощание кажется вдвое тяжелее, когда точно знаешь, что оно и правда последнее. А я это знал. Четыре годовщины минули и канули в прошлое, а я по-прежнему застрял где-то между временами, и для меня ничто не менялось.

Я прижал конверт ладонью к груди, расправив его уголки, словно маленькие бумажные крылья. Жалкая замена...

Местные жители обожают раскачиваться на качелях и, потягивая мятлый джулеп, рассуждать, какое время суток на озере следует считать самым лучшим. По утрам тени ложатся на землю прямо перед тобой и как будто тянутся навстречу дню. В полдень тень съеживается и оказывается у тебя под ногами: ты стоишь на ней, застряв между прошлым и будущим, между тем, что было, и тем, что будет. В сумерках тень оказывается у тебя за спиной, скрывая твои шаги от возможных преследователей. И это не метафора. По моим наблюдениям, у тех, кто предпочитает сумерки яркому свету, обычно есть что скрывать.

Глава 1

Она казалась маленькой для своих лет. Выглядела как пятилетняя, хотя ей было уже шесть или даже семь, однако в ее хрупком, как у фарфоровой куклы, теле скрывалось отважное сердце бойца. На ней было коротенькое желтое платье, желтые носочки, белые сандалии с ремешком, концы соломенной шляпы, обвязанной желтой лентой, спускались почти до пояса. Тоненькая и бледная, двигалась она тем не менее то как Элоиза¹, то как Тигра из сказки про Винни-Пуха. Девочка стояла на углу Главной улицы и Саванна-стрит – прямо посреди городка, и выкрикивала во всю силу маленьких легких:

– Лимона-а-а-ад! Лимона-а-а-ад! Покупайте лимона-а-ад, пятьдесят центов за порцию!

Ее лимонадный «ларек» выглядел довольно крепким и носил следы долгой жизни, хотя явно был сколочен на скорую руку. Прилавок из полулиста дюймовой фанеры опирался на столбики четыре на четыре; два столба повыше, но более тонких, поддерживали вторые пол-листа, служившие навесом. Между столбами был натянут самодельный же транспарант лимонного цвета с надписью крупными печатными буквами: «Лимонад, 1 стакан – 50 центов. Последую-

¹ Шестилетняя героиня серии детских книг американской писательницы Кей Томпсон. (Здесь и далее прим. перев.)

щие порции – бесплатно!» Но в первую очередь в глаза бросалось не это трогательное в своей безыскусности рекламное объявление, не прилавок, не желтый контейнер-охладитель «Иглу» и даже не сама девочка. Настоящим центром этой незамысловатой композиции была стоявшая под прилавком пятигаллонная пластиковая бутылка из-под питьевой воды. Мне пришло в голову, что это ее – девочки – личный колодец или источник, куда каждый мог бросить монету и загадать желание. И похоже, весь город, беззвучно шепча под нос нечто свое сокровенное, ссыпал в бутылку крупные и мелкие купюры и заваливавшуюся в карманах мелочь.

Остановившись на углу, я смотрел, как пожилая женщина с кружевным зонтиком пересекла Главную улицу и опустила два четвертака в пенопластовую чашку, стоявшую на прилавке.

– Спасибо, Энни, – прошелестела она, принимая из рук девочки пластиковый стакан с лимонадом.

– Не за что, мисс Блейкли. У вас очень красивый зонтик! – Легкий ветерок, пронесшийся вдоль тротуара, шевельнул желтые ленты на спине девочки и донес до меня ее чистый, ангельский голосок.

Мисс Блейкли втянула сквозь зубы воздух и спросила:

– Как ты себя чувствуешь, детка? Лучше?

Девочка посмотрела на нее из-под полей шляпы.

– Да, мэм. Конечно.

Мисс Блейкли поднесла стакан к губам и, запрокинув го-

лову, стала пить, а девочка повернулась и стала смотреть вдоль тротуара.

– Лимона-а-а-ад! Пятьдесят центов за порцию! – Ее южный выговор звучал очень приятно – мягко, чуть хрипловато. Так могла бы произносить слова только такая малышка, и потому ее голос невольно привлекал внимание, как фейерверк на Четвертое июля.

Что произошло дальше, я разобрал не совсем хорошо, но мне показалось, после того как мисс Блейкли вернула пустой стакан на прилавок, она опустила в прозрачную пластиковую бутылку двадцатидолларовую купюру.

Ничего себе лимонад!

Похоже, девочка зарабатывала деньги быстрее, чем казначейство успевало печатать их. В бутылке я разглядел целую гору банкнот разного достоинства, однако никто из покупателей, кажется, не переживал из-за того, что вся эта куча наличных может внезапно «отрастить ноги», а меньше всех беспокоилась сама маленькая продавщица. Что все это означает, спросил я себя. Кроме рекламного транспаранта между двумя столбиками на киоске не было никаких надписей или листовок, которые что-то бы объясняли. По-видимому, в этом просто не было необходимости. Так часто бывает в небольших городках: все и так все знают, и никому не требуется дополнительных объяснений. То есть никому, кроме меня...

Сегодня утром – немного раньше, чем я оказался в го-

родке, – мы с моим соседом и другом Чарли (помимо всего прочего, он приходится мне шурином и живет совсем рядом – на противоположном берегу узкого залива, который легко преодолеть вплавь, что мы частенько и делаем) шлифовали махагоновый корпус и стлани «Гриветты» 1947 года, когда у нас неожиданно вышла мелкая наждачка, да и рангоутного лака осталось совсем чуть-чуть. Мы бросили монету, я проиграл, поэтому именно мне пришлось ехать в город, пока Чарли удил с причала рыбу и пронзительно свистел вслед облаченным в микроскопические бикини девушкам, проносящимся мимо на ревуших гидроциклах. Вообще-то Чарли почти никуда не ездит, но в нем очень силен соревновательный дух – потому-то он и настоял, чтобы мы бросали жребий. Как уже говорилось, я проиграл.

Сегодняшняя моя поездка была необычной – по времени. Я редко бываю в городе утром или днем, когда на улицах полно людей, идущих на работу или с работы. Откровенно говоря, я предпочитаю вообще в город не ездить. Как правило, я объезжаю административный центр нашего округа десятой дорогой, предпочитая соседние поселки, да и магазины, в которых я приобретаю продукты, инструменты и другие необходимые мелочи, я стараюсь менять каждые пару месяцев. В окрестностях Клейтона нет ни одного магазинчика, ни одной лавки, где меня считали бы постоянным клиентом.

Но если я все-таки попадаю в город, то стараюсь делать это минут за пятнадцать до того, как магазины начнут за-

крываться. Одеваюсь я как большинство местных жителей – в выгоревшие, застиранные джинсы, старенькую ковбойку и бейсбольную кепочку с рекламой какой-нибудь крупной компании, производящей электроинструменты или строительную технику. Обычно я оставляю машину позади магазина, натягиваю козырек бейсболки пониже, поднимаю воротник, а смотреть стараюсь себе под ноги, а не на окружающих. Невидимкой я проскальзываю в магазин, покупаю что нужно и снова выскальзываю на улицу, так что никто меня не запоминает и едва ли замечает. Чарли называет это «невидимым шопингом». Я называю это образом жизни.

Отошедший от дел промышленник из Мейкона нанял нас с Чарли, чтобы мы привели в порядок его винтажную «Гриветту» 1947 года выпуска, подготовив ее для участия в десятом юбилейном Шоу классических и антикварных катеров, которое проходит на озере Бертон каждый год. До шоу оставался еще почти месяц. Мы с Чарли уже дважды участвовали в этом событии, и теперь, чтобы оставить позади мастеров из лодочной мастерской в Блу-Ридже, нам была необходима наждачная бумага. С «Гриветтой» мы возились уже десять месяцев и почти закончили, однако, прежде чем гнать моторку к заказчику, нам предстояло подсоединить трансмиссию и покрыть деревянные части восемью слоями рангоутного лака. Только после этого «Гриветта» смогла бы выйти на воду.

Чувствуя, как от любопытства у меня пересохло во рту,

я пересек улицу и бросил в пенопластовый лоток пятьдесят центов. Девочка с силой нажала на поршень крана, отчего костяшки ее пальцев побелели, а рука задрожала, но все же нацедила мне полный стакан свежего лимонада, в котором плавала мякоть и не до конца растворившиеся крупинки сахара.

– Спасибо, – сказал я вежливо.

– Меня зовут Энни, – ответила девочка и, оставив ножку назад, присела в неуклюжем реверансе, глядя на меня снизу вверх из-под полей шляпы, что сразу сделало ее похожей на подсолнух. – Энни Стивенс.

Я взял стакан в другую руку, щелкнул каблуками и продекламировал из Шекспира, слегка изменив слова:

– Спасибо, я как раз озяб, и на сердце тоска...

– Это вы сами придумали?

– Нет. – Я покачал головой. – Это один человек по фамилии Шекспир написал в своей книге «Гамлет». Видишь ли, в детстве, пока большинство моих друзей смотрели «Уолтонов» и «Гавайи пять-ноль», я предпочитал читать книги. У меня до сих пор нет телевизора, представляешь?.. Зато сотни давно умерших писателей ежечасно наполняют мою голову своим неутихающим шепотом... – Я слегка приподнял бейсболку и протянул руку. – Риз. Меня зовут Риз.

Солнце светило мне в спину, и моя тень, протянувшись передо мной, защищала глаза девочки от солнца, которое в одиннадцать утра поднялось довольно высоко и карабкалось

все выше.

Энни немного подумала.

– Риз – хорошее имя.

На тротуаре показался какой-то мужчина, который тащил два пакета с покупками из бакалейной лавки, и девочка, повернувшись в его сторону, завопила так громко, что ее, наверное, было слышно за три квартала:

– Лимона-а-а-ад!!!

Мужчина кивнул.

– Доброе утро, Энни. Подожди секундочку, я сейчас подойду.

Девочка снова повернулась ко мне:

– Это мистер Портер, он работает на этой улице. Мистер Портер любит, чтобы в лимонаде было побольше сахара, но он не такой, как некоторые из моих покупателей. Вы понимаете?.. Некоторым людям просто необходимо класть побольше сахара, потому что они сами по себе довольно кислые. – И она рассмеялась.

– Ты торгуешь здесь каждый день? – спросил я, цедя лимонад маленькими глоточками. Еще в школьные годы, ночами напролет ворочаясь в постели без сна, я понял одну вещь: если задать достаточно много правильных вопросов – таких, которые лишь слегка касаются интересующих тебя вещей, но не называют их непосредственно, можно в конце концов узнать все, что нужно. Для этого, впрочем, надо хорошо представлять себе, что спрашивать, когда и самое глав-

ное – как именно следует начинать непринужденную беседу на важную для тебя тему.

– Каждый день, кроме воскресений, когда Сисси продает наживку для рыбалки в магазине Батча. В остальные шесть дней она работает вон там...

И девочка показала на небольшой универсальный магазин, в витрине которого я разглядел за кассой молодую женщину со светлыми волосами такого оттенка, какой обычно производит впечатление искусственного. Она стояла ко мне спиной, но ее пальцы проворно бегали по кнопкам, пробивая чек очередному покупателю. Женщина не оборачивалась, но я был уверен, что она отлично видит нас в квадратном трехфутовом зеркале, висевшем на стене против кассы.

– Сисси?... – переспросил я.

Девочка улыбнулась и снова махнула рукой в направлении витрины.

– Сисси – моя тетя. Они с моей мамой были сестрами, только моя мама никогда не могла заставить себя сунуть руку в ведро с червяками или с мотылем. – Заметив, что мой стакан опустел, Энни налила мне еще лимонаду и продолжила: – В общем, я стою здесь практически каждый день, с утра и до обеда, а потом иду наверх, смотрю телик или сплю. А вы?... Чем вы занимаетесь?

Ответ на подобные вопросы был у меня давно заготовлен – такой, какой был одновременно и правдивым, и в то же время позволял надежно скрывать истину. И пока мои губы

произносили: «Я занимаюсь лодками», в голове у меня стучало: «Нет, милый мой, не то я, чем кажусь...»².

Слегка прищурившись, девочка подняла голову и посмотрела куда-то поверх моей головы. Дыхание у нее было затрудненным, в горле раздавались влажные хрипы, к тому же ее явно мучил навязчивый кашель, который она старалась скрыть. В какой-то момент Энни отступила назад и, осяпав ногой тротуар, опустилась в складное офисное кресло, стоявшее в паре шагов за ее киоском. Сложив руки на груди, она сделала несколько глубоких вдохов.

Я смотрел, как поднимается и опускается ее грудная клетка. Свежий – не больше года – операционный шрам, вдоль которого пунктиром тянулись белесые следы швов, поднялся над вырезом ее платица почти на дюйм, немного не доставая до висевшей у нее на шее коробочки для лекарств. Мне не требовалась подсказка, чтобы догадаться, какие таблетки Энни вынуждена носить с собой.

Мыском башмака я слегка постучал по пятигаллонной бутылке из-под воды.

– А это для чего?

Вместо ответа Энни слегка похлопала себя по груди, отчего шрам еще больше вылез из ворота платья. По тротуару шли люди, но девочка явно устала и не была расположена много болтать и тем более орать во все горло, даже если это было необходимо для рекламы товара. Какой-то седой

² У. Шекспир «Отелло».

джентльмен в строгом костюме вышел из дверей риелторского агентства, расположенного через четыре дома дальше по улице. Он приблизился к нам бодрой рысцой, схватил с прилавка стакан и, нажав клапан на термосе, кивнул девочке.

– Доброе утро, Энни.

Он бросил доллар в пенопластовую чашку и еще один – в пластиковую бутылку вниз.

– Привет, мистер Оскар... – откликнулась девочка голосом чуть более громким, чем шепот. – Большое спасибо. Приходите еще.

– Увидимся завтра, милочка. – Он потрепал ее по колену.

Посмотрев на меня, Энни проводила взглядом мистера Оскара, который бодрой походкой двинулся дальше.

– Он всех называет «милочка». Даже мужчин.

Я уже положил в чашку свои пятьдесят центов, а когда Энни на мгновение отвлеклась, сунул в бутылку двадцатидолларовую купюру.

В течение последних восемнадцати или даже двадцати лет я постоянно носил в карманах или на поясе несколько необходимых мелочей: латунную зажигалку «Зиппо» (хотя я никогда не курил), два карманных ножа с небольшими, но острыми лезвиями, футляр с набором игл и ниток, а также надежный ручной фонарик. Несколько лет назад я добавил к набору еще одну вещь.

Сейчас Энни кивком указала на мой фонарь:

– У здешнего шерифа, мистера Джорджа, есть похожий. А

еще я видела такой же у санитаря скорой помощи. Вы точно не врач и не полицейский?

Я мотнул головой:

– Точно!

За несколько домов от нас вышел из своей приемной доктор Сэл Коэн. Помедлив на тротуаре, он повернулся и медленно двинулся в нашу сторону. Невозможно представить Клейтон без Сэла: в городе он служит чем-то вроде местной достопримечательности – во всяком случае, здесь его все знают и любят. Сейчас ему далеко за семьдесят, и последние полвека он работает участковым педиатром. В его небольшом офисе, состоящем из крошечной приемной и кабинета, перебивали, наверное, все местные жители: на его глазах они росли, превращаясь из новорожденных младенцев во взрослых мужчин и женщин, а он помогал им пройти через большинство детских болезней. Да и выглядел Сэл как типичный сельский врач, какими их любят изображать в книгах и кино: строгий пиджак из плотного твида, такой же жилет, галстук, купленный лет тридцать назад, кустистые брови, кустистые усы, волосы в носу и в ушах, длинные бакенбарды, крупные уши и вечная трубка в зубах. Кроме того, карманы Сэла всегда были набиты конфетами и другими сладостями.

Шаркая ногами, Сэл подошел к киоску, сдвинул на затылок твидовую шляпу и, переложив трубку в левую руку, правой принял предложенный ему стакан. Подмигнув Энни, Сэл кивнул мне и выпил лимонад маленькими глотками. По-

том отвернулся, и девочка, стараясь не захихикать, запустила руку в карман его пиджака и вытащила оттуда мятную карамель. Держа конфету обеими руками, Энни прижала ее к груди и улыбнулась так, словно стала обладательницей какой-то редкостной вещи, какой не было больше ни у кого на свете.

Сэл поправил шляпу, сунул в рот трубку и двинулся к своему «Кадиллаку», припаркованному у тротуара. Прежде чем отворить водительскую дверцу, старый врач посмотрел на меня.

– Встретимся в пятницу? – спросил он.

Я улыбнулся ему и кивнул.

– Я уже чувствую во рту превосходный вкус «Трансплантата», – сказал Сэл и, облизнувшись, покачал головой.

– Я тоже. – И я действительно почувствовал, как мой рот наполняется слюной.

Сэл сжал трубку в кулаке и показал чубуком на меня.

– Займи мне место, если доберешься туда первым.

– Договорились. – Я снова кивнул, и Сэл отъехал. Он вел машину как все старики – не спеша и по самой середине дороги.

– Вы знаете доктора Коэна? – заинтересованно спросила Энни.

– Да. – Я ненадолго задумался, тщательно подбирая слова. – Мы... мы оба просто обожаем чизбургеры!

– А-а!.. Так вы пойдете в «Колодец»? – догадалась она.

Я кивнул утвердительно.

– Каждый раз, когда я попадаю к нему на прием, он или рассказывает о прошлой пятнице, или говорит, что с нетерпением ждет следующей. Доктор Коэн очень любит чизбургеры.

– Не он один.

– А вот мне врач не разрешает есть чизбургеры. Он говорит, мне это вредно.

С этим я был не согласен, но говорить ничего не стал. Во всяком случае, я не решился высказать свое мнение в достаточно категоричной форме.

– По-моему, это преступление – не разрешать ребенку лакомиться чизбургерами.

Энни улыбнулась:

– Я так ему и сказала.

Пока я допивал лимонад, Энни внимательно следила за мной, но в ее взгляде не было ни нетерпения, ни раздражительности. В ее бутылке под прилавком собралась уже порядочная куча денег, которые – я знал – были ей очень нужны, и все же меня не покидала уверенность, что, даже если бы я не заплатил Энни ни цента, она продолжала бы наливать мне лимонад до тех пор, пока я не пожелтел или пока меня не смыло. Увы, проблема – ее проблема – заключалась в том, что в моем распоряжении были годы, а у нее... у нее времени почти не осталось. Деньги в бутылке давали ей кое-какую надежду, однако, если Энни не повезет и в самое ближайшее

время ей не пересадят новое сердце, она, скорее всего, умрет еще до того, как вступит в подростковый возраст.

Энни еще раз оглядела меня с ног до головы.

– Вы очень большой, – сказала она наконец.

– Ты имеешь в виду вес или рост? – улыбнулся я.

Она приставила ко лбу ладонь козырьком.

– Рост.

– Во мне всего-то шесть футов. Бывают люди и повыше.

– А сколько вам лет?

– Человеческих или собачьих?

Она рассмеялась.

– Собачьих.

Я немного подумал.

– Двести пятьдесят девять с хвостиком.

Энни снова окинула меня внимательным взглядом.

– А сколько вы весите?

– В английской системе или в метрической?

Она закатила глаза.

– В английской, конечно!

– До завтрака или после ужина?

Этот вопрос поставил ее в тупик. Энни потеряла затылок, оглянулась по сторонам и кивнула.

– До завтрака.

– До завтрака я вешу сто семьдесят четыре фунта.

Энни посмотрела на меня заинтересованно.

– А какой у вас размер обуви?

– Американский или европейский?

Сжав губы, она попыталась сдержать улыбку, но положила руки на колени и прыснула:

– Да американский же!

– Одиннадцатый.

Энни невольно взглянула на мои ноги, словно спрашивая себя, правду ли я говорю или обманываю. Наконец она одернула подол платья, встала с кресла и выпрямилась, втянув живот и выпятив грудь.

– Мне семь лет, – продекламировала она. – Я вешу сорок пять фунтов и ношу шестой размер туфель. И еще во мне три фута и десять дюймов.

«И сердце тигра в женской оболочке!»³ – добавил я мысленно.

– И что? – уточнил я.

– Вы больше меня.

Я рассмеялся.

– Согласен. Я немного побольше.

– Но... – Энни подняла вверх палец, словно пытаюсь определить направление ветра. – Мой доктор говорит, что, если у меня будет новое сердце, я смогу еще немножко подрасти.

Я кивнул.

– Очень, очень возможно.

– А вы знаете, что я буду с ним делать?

– Со своим новым сердцем или со своим новым ростом?

³ У. Шекспир «Генрих VI».

Она на секунду задумалась.

– И с тем, и с другим.

– Что же?

– Я стану миссионеркой, как мои мама и папа.

Одна мысль, что человек, переживший пересадку сердца, будет скитаться по жарким африканским джунглям, вдалеке от лекарств, диет и центров профилактической медицинской помощи, а также вдали от любых специалистов, способных оказать эту помощь, представилась мне настолько невероятной, что я и на секунду не задумался о реальности подобной перспективы. Тем не менее я сказал:

– Твои родители, должно быть, очень гордятся твоим выбором.

Энни прищурилась.

– Мама и папа уже в раю.

Я было осекся, но довольно быстро справился с замешательством.

– Я уверен, они по тебе очень скучают.

Нажав на поршень термоса, Энни снова наполнила мой стакан.

– Я тоже по ним скучаю, – призналась она. – Хотя и знаю, что в конце концов мы обязательно снова увидимся. – Энни протянула мне лимонад и подняла руки вверх, словно взвешивая что-то на невидимых весах.

– Лет через шестьдесят или девяносто, – добавила она.

Я сделал глоток, подсчитывая про себя вероятность, точ-

нее, невероятность названного ею срока. Вероятно, я раздумывал слишком долго, поскольку Энни снова подняла голову и с любопытством уставилась на меня.

– А кем вы хотели стать, когда были маленьким? – поинтересовалась она.

– Ты поступаешь так со всеми своими покупателями? – в свою очередь спросил я, сделав очередной глоток из стакана.

– Как так? – Энни убрала руки за спину и бессознательно щелкнула каблуками, как Дороти из книги про страну Оз. – Как я с ними поступаю?

– Задаешь им много вопросов.

– Я... Ну да... Наверное.

Я наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Мы музыканты, моя дорогая, и мы – мечтатели...⁴

– Это тоже мистер Шекспир сказал?

– Нет, это Вилли Вонка сказал.

Энни радостно засмеялась.

– Что ж, спасибо за лимонад, Энни Стивенс, – сказал я.

В ответ Энни снова присела в реверансе.

– До свидания, мистер Риз. Приходите еще.

– Непременно.

Я перешел на другую сторону улицы и, достав из кармана связку ключей, стал выбирать нужный, чтобы открыть дверь.

⁴ Цитата из американского фильма «Чарли и шоколадная фабрика» 1971 г. с Джином Уайлдером в главной роли.

цу моего «Субурбана»⁵. Уже держа в руках ключ, я заметил в лобовом стекле отражение крошечной фигурки в маленьком желтом платице и невольно подумал о десятках таких же, как она, людей. Всех их объединяло одно – горящий в глазах огонь надежды, погасить который не могла бы никакая сила.

Еще я вспомнил, что раньше я кое-что умел и что когда-то в моей жизни была любовь, но потом «...я пролился как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось как воск; растаяло посреди внутренности моей»⁶. И все закончилось. Теперь все было в прошлом.

Довольно сильный ветер, скатившийся с гор, пронесся по Саванна-стрит. Он летел по тротуару, вдоль стен старых кирпичных домов, поднимая пыль и играя старыми скрипучими флюгерами и современными «музыкальными подвесками», издававшими мелодичный перезвон. Наткнувшись на киоск Энни, ветер, словно разозлившись, дунул особенно сильно и опрокинул пенопластовую чашку, рассыпав по земле почти десять долларов мелочью и мелкими купюрами. Бумажные деньги он погнал дальше, и Энни, вскочив с кресла, бросилась в погоню, не замечая, что ветер несет их прямо на перекресток.

Я увидел опасность слишком поздно. Что касалось Энни, она вообще не успела ничего заметить.

Громадный хлебный фургон ехал по Главной улице как

⁵ Одна из марок внедорожника «Шевроле».

⁶ Пс., 21:15.

раз с той стороны, где стоял я. На перекрестке горел зеленый, и водитель прибавил газу, отчего двигатель громко стрельнул и выпустил клуб дыма. Я успел услышать, что приемник в кабине играет блуграсс⁷, увидел, как водитель отправил в рот печенье «Твинки». На перекрестке грузовик свернул, и водитель машинально прикрыл ладонью глаза, чтобы защитить их от солнца. В последний момент он, должно быть, все же заметил желтое пятно детского платья и ударил по тормозам. Заблокированные задние колеса занесло, фургон начало разворачивать поперек улицы, но чем сильнее его разворачивало, тем быстрее двигалась его массивная задняя часть.

Повернувшись на шум, Энни застыла, парализованная страхом. Уже собранные деньги она снова выронила, и они разлетелись по всей улице, словно крупные бабочки. С перепугу девочка обмочилась, но из ее стиснутого спазмом горла так и не вырвалось ни звука.

– О господи, Энни!.. – заорал водитель, изо всех сил выворачивая руль, отчего задняя часть фургона с размаху врезалась в правое переднее крыло припаркованной у обочины «Хонды Аккорд». От удара грузовик отбросило, а еще через мгновение он ударил Энни бортом прямо в грудь. Раздался звук, похожий на пушечный выстрел. Все дело было, конечно, в том, что жестяной кузов фургона срезонировал как огромный барабан, но тогда мне показалось, что Энни сплющило в лепешку.

⁷ Разновидность музыки кантри.

Должно быть, каким-то чудом Энни все же успела инстинктивно прикрыться рукой. Ее отбросило далеко назад, и она покатилась по асфальту желтым кегельным шаром. Шляпа отлетела в сторону, а девочка застряла под передком «Форда»-пикапа, припаркованного на противоположной стороне улицы. Даже с того места, где я стоял, было хорошо видно, что у нее перелом левой руки. Последний порыв ветра задрал ей подол и накрыл им лицо, так что Энни казалась мертвой. Лежала она совершенно неподвижно, головой под уклон, а на желтом платье проступили кровавые пятна.

Я добрался до Энни первым, следом подбежала женщина-кассир, которую я видел в витрине. Глаза у нее были совершенно дикие, к тому же она выкрикивала какую-то несуразицу. Еще через две-три секунды вокруг нас уже собралась небольшая толпа.

Глаза Энни были закрыты, тело обмякло, кожа сделалась бледной до прозрачности. Язык запал глубоко в горло, перекрывая доступ воздуха, так что ее лицо посинело. Я не знал, травмирован ли позвоночник, поэтому, стараясь держать голову девочки неподвижно, я с помощью носового платка вытянул запавший язык вперед, освободив дыхательные пути и обеспечив доступ воздуха к легким. Конечно, риск был велик, ведь если бы позвоночник оказался поврежден, я мог травмировать его еще сильнее, однако в противном случае девочка могла просто задохнуться. Нет воздуха – нет жизни, поэтому я и сделал такой выбор.

Убедившись, что девочка задышала, я проверил ей пульс, прижав одной рукой сонную артерию. Другой рукой я отцепил от пояса фонарик и осветил Энни в глаза. Наблюдая за реакцией зрачков, я взял фонарик в зубы, а сам снял с себя монитор сердечного ритма и положил беспроводной датчик на грудь пострадавшей. Показатели пульса, отображавшиеся на моих наручных часах, сразу изменились с 62 до 156. Нашупав верхушечный сердечный толчок, я обеими руками простучал границы сердца и убедился в том, что подозревал с самого начала: сердце Энни было слишком большим – оно почти в полтора раза превышало норму.

Увидев, что я прижал ладони к девичьей груди (пусть в силу возраста она и была совершенно плоской), женщина из магазина вкатила мне увесистую оплеуху.

– Убери-ка лапы, грязный извращенец!

Объяснять что-либо у меня не было времени, поэтому я продолжал прижимать датчик к груди Энни, внимательно следя за ее глазами. Мгновение спустя кассирша тоже разглядела расширенные зрачки и опухший язык девочки и опустилась рядом с ней на корточки. Сорвав с шеи Энни контейнер с лекарством, она вытряхнула ей на живот несколько крошечных таблеток. От этого резкого движения с цепочки сорвался и отлетел далеко под «Форд» еще какой-то блестящий, возможно, золотой предмет или брелок, но кассирша ничего не заметила. Схватив две таблетки, она попыталась запихнуть их Энни под язык, но я успел остановить ее руку.

Стараясь говорить как можно спокойнее, я сказал:

– Если вы дадите ей это, Энни умрет.

В панически расширившихся глазах женщины вспыхнул гнев, на шее набухли вены. Она оказалась довольно сильной и едва не вырвала у меня руку, но я держал крепко, продолжая наблюдать за Энни.

– Отпустите немедленно! – прошипела женщина. – Я должна!.. – Подняв голову, она посмотрела на столпившихся вокруг людей. – Он убьет ее! Убьет Энни! – выкрикнула она.

В ответ на ее вопли из толпы выступили двое здоровенных парней в вылинявших рабочих комбинезонах и бейсболках «Джон Дир». Я уже видел обоих несколько раньше – за столиком кафе, где они завтракали.

– Вы бы не трогали девочку, мистер! – обратился ко мне один. – Мы все хорошо знаем Энни, а вас видим впервые.

Он был чуть не вдвое шире и сильнее меня, но пытаться что-либо объяснять ему значило бы потерять время, которого попросту не было. К сожалению, никто, кроме меня, об этом не знал, поэтому, не выпуская запястья женщины, я развернулся и без предупреждения пнул здоровяка в пах. Коварный удар вышел неожиданно сильным и точным. Мой противник сначала поднялся на цыпочки, затем согнулся и упал на колени.

Второй парень тут же схватил меня за плечо.

– Эй, ты что творишь?! Это мой брат!

Свободной рукой я изо всех сил ударил его в живот. И

не промахнулся – да и трудно было промахнуться по такой обширной мишени, – и второй парень тоже рухнул в пыль, где его вырвало недавно съеденным завтраком.

Я повернулся к кассирше, продолжавшей вопить в толпу:
– Кто-нибудь!.. Прошу, остановите его! Энни сейчас умрет! Он убьет мою Энни!

Ситуация накалялась, и я свободной рукой разжал ей пальцы, но таблетки отнимать не стал. Глядя женщине прямо в глаза, я проговорил спокойно, но твердо:

– Дайте ей полтаблетки. Не больше!

Мои слова заставили женщину замереть. Она была явно обескуражена и застыла на месте, зато первый из братьев-младцев немного пришел в себя. Привстав на коленях, он попытался схватить меня за плечо, и мне ничего не оставалось, как резко ударить его ногой в живот, старясь, впрочем, не сломать бедолаге ребра.

Кассирша тем временем в растерянности взирала то на меня, то на распростершихся на земле братьев. Судя по выражению ее лица, мои слова противоречили всему, что она когда-то читала и что ей говорили раньше, и она никак не могла склониться к тому, что же ей делать.

– Но... – неуверенно пролепетала она.

Я ободряюще кивнул.

– Начнем с половины таблетки, а там посмотрим. Но если дать сразу два нитроглицерина, кровяное давление резко упадет, и нам уже не удастся вернуть его к норме. – Я выпу-

стил ее руку. – Дайте полтаблетки, – повторил я.

Выйдя из ступора, женщина начала действовать – быстро и четко. Словно солдат, скусывающий бумажный патрон⁸, она зубами раскусила таблетку на две половинки: одну тут же выплюнула, вторую положила девочке под язык.

К тому моменту Энни пришла в сознание, однако взгляд ее оставался расфокусированным, плавающим, сломанная рука безвольно повисла. Судя по звукам, вокруг нас происходило много всего: громко переговаривались люди, сигналили автомобили, издалека слышался вой сирен, – однако я постарался сосредоточиться на трех главных вещах: пульсе, дыхании и зрачках. Вскоре начал действовать нитроглицерин, и щеки Энни слегка порозовели: лекарство заставило сосуды расшириться, что обеспечило свободный приток крови к тканям и снабжение органов кислородом.

– Энни, ты меня слышишь? – негромко проговорила женщина, глядя девочку по здоровой руке. – Держись, милая, помощь близко. Скорая сейчас приедет, вон, сирены становятся громче и громче.

В ответ Энни кивнула и попыталась улыбнуться. Ее пульс немного участился, но оставался прерывистым.

Прислушиваясь к нарастающему вою сирен, я попытался прикинуть, сколько времени понадобится санитарам, что-

⁸ Бумажный патрон использовался в XVII в. На пороховом заводе заряды расфасовывались в бумажные пакетики, к которым прикреплялись и пули. Стрелок разрывал («скусывал») бумажную оболочку, высыпал порох в ствол, затыкал его пыжом из бумаги и досылал сверху пулю.

бы достать из машины все необходимое, поставить диагноз, оказать первую помощь и, наконец, отвезти девочку в стационар. По моим прикидкам, должно было пройти в лучшем случае минут двадцать, прежде чем Энни окажется в травматологическом отделении.

Пока она, моргая, пыталась разглядеть собравшихся вокруг нее людей, я снова повернулся к кассирше.

– Дайте ей еще полтаблетки. Пора.

На этот раз Энни сама открыла рот, и женщина положила ей под язык еще крупинку лекарства. Когда нитроглицерин полностью растаял, я достал из кармана свою коробочку для лекарств и вытряхнул оттуда маленькую таблетку детского аспирина.

– А теперь вот эту...

Кассирша повиновалась, а я снял часы с пульсометром и надел девочке на запястье, затянув его на последнюю дырочку, но они все равно болтались на худенькой ручке. Показав на часы и на датчик на груди пострадавшей, я сказал:

– Это – две части одного прибора, который замеряет и записывает все, что происходит с ее сердцем. Врачу в приемном покое – если только он нормальный врач, а не полный идиот – эта информация может пригодиться.

В ответ женщина кивнула и убрала с лица Энни пыльные, влажные от пота волосы.

Секунд через десять подъехала скорая, из машины выскочили два санитары и бросились к нам. Один из них вопроси-

тельно взглянул на меня, и я не стал тратить время на пустые объяснения.

– Тупая травма груди, – быстро проговорил я. – Налицо патологическая подвижность грудной клетки слева, возможен перелом левых ребер. После освобождения дыхательных путей возобновилось самостоятельное дыхание с частотой приблизительно тридцать семь вдохов в минуту. С левой стороны пальпируется хруст. Похоже на подкожную эмфизему, возможен и пневмоторакс левой плевральной области.

Младший санитар ошеломленно уставился на меня.

– Я подозреваю частичное спадение легкого, – невозмутимо пояснил я.

Фельдшер кивнул, и я продолжил:

– Пульс прерывистый, частота сто пятьдесят – сто шестьдесят ударов в минуту. Сразу после травмы наблюдалась кратковременная потеря сознания. В настоящее время я оцениваю ее состояние в двенадцать баллов⁹.

– То есть она еще не совсем пришла в себя? – уточнил фельдшер.

Не отвечая, я продолжал докладывать:

– Девочка получила нитроглицерин – два раза по полтаблетки подъязычно с интервалом около пяти минут. – Я показал на розовый шрам на груди Энни. – Похоже, примерно год назад девочка перенесла операцию на открытом сердце.

⁹ Согласно шкале оценки степени нарушения сознания и комы у детей старше 4 лет и взрослых, 12 баллов близко к ясному (15 баллов) сознанию.

Кроме того... – я взглянул на свои часы, – ...монитор сердечного ритма был установлен на запись семь минут назад.

– О'кей. – Санитар коротко кивнул и стал прилаживать на лицо Энни кислородную маску.

За моей спиной начали приходить в себя поверженные братья. Сейчас оба уже сидели на тротуаре, тараща глаза и одинаково разинув рты. До них, кажется, дошло, что я делаю, поэтому ни один больше не делал попыток оттащить меня прочь. И это было хорошо, поскольку я не справился бы с ними ни вместе, ни поодиночке. В нашей первой схватке я одержал победу лишь благодаря эффекту неожиданности, но сейчас я лишился этого преимущества.

Тем временем санитар проверил зрачки Энни и велел ей постараться дышать ровнее, а сам начал надевать ей на правую руку манжет тонометра. Второй санитар сходил в скорую и вернулся с шейным корсетом и жесткими носилками-спинодержателем. Минуты через две в вену Энни поставили капельницу с физраствором, который должен был немного повысить давление, и перенесли в машину. Рядом с Энни усадили кассиршу (только сейчас я сообразил, что это и есть упомянутая девочкой в разговоре тетя Сисси), после чего скорая включила сирену и помчалась в окружающую больницу.

Прежде чем задние дверцы скорой закрылись, я успел увидеть, как Сисси нежно гладит Энни по голове и что-то шепчет ей на ухо.

Толпа понемногу редела. Пока полиция допрашивала во-

дителя грузовика, а местные жители, сунув руки в карманы, оживленно обсуждали случившееся, показывая то на перекресток, то на горы, откуда прилетел внезапный порыв ветра, я повернулся к братьям-здоровякам и протянул руку, чтобы помочь старшему подняться с земли.

– Без обид, о'кей?..

Здоровяк с готовностью оперся о мою руку, и мне пришлось напрячь все силы, чтобы удержаться на ногах, пока он вставал.

– Извини, друг, – пробасил он, показывая ручищей вслед скрывшейся за углом скорой. – Ошибочка вышла... Мы типа думали – ты дурака валяешь, придуриваешься, мало ли чего от тебя ждать...

Я тоже посмотрел в ту сторону, куда он показывал.

– А вот это – никогда. Никогда и ни за что, – проговорил я и помог подняться младшему богатырю, после чего оба отчалили восвояси, на ходу отряхиваясь и поправляя на себе одежду. Какой-то пожилой мужчина в широкополой шляпе, кархартовском рабочем комбинезоне и ботинках, от которых за милю несло дизтопливом, пробормотал у меня за спиной:

– Господи, когда же этой девочке наконец улыбнется счастье?.. – И он смачно сплюнул, направив коричневую от табачной жвачки струю прямо в сточный желоб. – Почему из всех жителей нашего городка именно ей так не повезло? Нет, все-таки жизнь несправедлива! Несправедлива, и все!

Он еще раз сплюнул для убедительности и, сойдя с тро-

туара, быстро зашагал через улицу.

Когда толпа окончательно растаяла, я опустился на четвереньки и, отыскав в щели у бордюра то, что искал, сунул найденное в карман. Выглядел этот предмет довольно потертым, но на его обратной стороне еще прощупывалась какая-то надпись. Звук сирены скорой почти затих вдали, и в воздухе пахло корицей, персиковым кобблером, жареным на гриле мясом, дизельными выхлопами и совсем немного – китайским жасмином, который у нас на Юге зовут еще «конфедератским».

Отъезжая от бордюра, я увидел, что к опустевшему киоску Энни выстроилась довольно длинная очередь. Люди подходили к нему, молча опускали деньги в пластиковую бутылку из-под воды и шли дальше по своим делам.

Глава 2

Прошло почти девять месяцев, прежде чем я нашел ключ. Она положила его на самое дно небольшого деревянного чемоданчика, который я хранил с детства. Ключ лежал под основательно потрепанной и пыльной книжкой стихов Теннисона. К нему была привязана цепочка с биркой, на которой было выгравировано название банка и номер ячейки.

Чарли и я отправились в банк вместе. Дежурный сотрудник депозитного зала вызвал старшего менеджера, который тщательно проверил мои документы, а потом отвел нас в маленькую комнатку, где не было ничего, кроме стола и четырех стульев, и куда-то исчез. Вернулся он, впрочем, довольно скоро, причем я обратил внимание на его побледневшее лицо. С собой дежурный принес какие-то бумаги, которые я должен был подписать. Я поставил свою подпись там, где он указывал, после чего парень снова ушел и вернулся с небольшой запертой коробочкой. Поставив ее на стол, он покинул комнату, задернув за собой специальную занавеску, заменявшую дверь.

Все это время Чарли сидел совершенно неподвижно и терпеливо ждал, сложив руки на коленях и глядя в пространство перед собой. Только когда я вставил ключ в замок, Чарли повернулся на звук. Откинув крышку, я увидел внутри три запечатанных конверта. Все три были адресованы мне.

Буквы на конвертах были выведены почерком, не узнать которого я не мог.

На верхнем конверте значилось: «Вскрыть сейчас». На втором – «Вскрыть через год». На третьем – «Вскрыть через два года». Взяв в руки первое письмо, я просунул палец под клапан и вынул из конверта два бумажных листка. Первый оказался копией соглашения, по которому я назначался выгодоприобретателем по всем выплатам за пожизненную сто-тысячную страховку, которую отец Эммы оформил на нее, когда она была совсем маленькой. Скорее всего, он сделал это еще до того, как о болезни Эммы стало известно, и ни он, ни она никогда мне об этом не говорили.

На втором листке было само письмо. Я пересел на стул рядом с Чарли и стал читать вслух:

«Милый Риз! Если ты читаешь сейчас эти строки, значит, ничего не случилось. Это значит, что меня не стало, и ты остался один...»

На этом месте строки перед моими глазами расплылись, лицо словно онемело, и я рухнул со стула на пол, словно сраженный молнией. Чарли и пожилой банковский охранник вынесли меня на улицу и усадили на скамью в парке, где я свернулся в зародышевый комок и в течение целого часа дрожал, как в лихорадке, никого не замечая и не отвечая на вопросы.

В конце концов я все же пришел в себя и уже ближе к вечеру, вернувшись в наш коттедж на берегу, нашел в себе си-

лы дочитать письмо. Потом я перечитал его еще раз. И еще... Сознание того, что Эмма написала эти строки заранее, лежало у меня на сердце холодным, тяжелым камнем.

Могильным камнем.

В конце Эмма сделала приписку:

«Пожалуйста, не храни это письмо. Я знаю – это не в твоём характере, поэтому не нужно делать то, что не принесет тебе облегчения. Пусть лучше его подхватит легкий ветерок, и пусть оно уплывет вдаль, как наши кораблики, которые мы пускали в детстве, когда играли в путешествие Одиссея».

Я закрыл глаза и почти ощутил на лице прикосновение ее слабой полупрозрачной руки. Эти прикосновения, какими бы слабыми они ни были, всегда придавали мне сил. Так вышло и на этот раз.

Поднявшись, я нашел тонкую сосновую дощечку и обстругал ее ножом, просверлил в середине отверстие и укрепил в нем мачту из тонкой рейки. Сложив письмо, я укрепил его на мачте как парус, прилепил к дощечке дюймовый огарок свечи и полил палубу жидкостью из зажигалки. Зажег фитиль и вытолкнул суденышко в небыструю, но широкую Таллалу. Подхваченный течением маленький парусник отплыл сначала на пятьдесят ярдов, потом на сто... Наконец свеча догорела и подожгла собравшуюся вокруг горючую жидкость. В одно мгновение яркое пламя взметнулось вверх на пять или шесть футов, а тонкий столб белого дыма и се-

рого пепла поднялся еще выше. Суденышко закружилось на месте, накренилось и... исчезло среди пены и пузырей. Теперь оно опустится на самое дно озера – туда, где на глубине более восьмидесяти футов лежал давно затопленный город Бертон.

Я считал дни, остававшиеся до первой годовщины. Когда же этот день наконец настал, я поднялся еще до рассвета, выбежал на причал и, вскрыв конверт, прижал к лицу письмо, с жадностью ловя знакомый запах. Я вчитывался в каждое слово, вдыхал ее аромат, воображал движение ее губ, проносящихся только что прочитанные мною слова, представлял наклон ее головы и ободряющий взгляд. Да что там, я почти услышал ее голос, звучавший чуть громче задувавшего с озера ветра: «Дорогой Риз...»

«Дорогой Риз!

Сегодня, пока ты спал, я немного почитала. Должно быть, самый вид слов, напечатанных на бумаге, подсказал мне, что еще нужно сделать. Сначала я хотела разбудить тебя, но ты спал так крепко!.. Я смотрела, как ты дышишь, слушала, как бьется твое сердце, и ощупывала свое, стараясь подстроиться под твой ритм. Твое сердце всегда стучит так ровно, так размеренно!.. Потом я долго водила пальцем по линиям твоей ладони и удивлялась, как много в твоих руках силы и нежности. Впрочем, я всегда знала – и когда мы впервые встретились, и тем более теперь, – у тебя особый дар... Обещай, что никогда о нем не забудешь.

Обещай, что всегда будешь помнить об этом твоём умении. «Исцелять разбитые сердца» – вот твоя работа, твой долг и твоё предназначение. И это не должно измениться, когда меня не станет. Меня-то ты исцелил много лет назад.

«Больше всего хранимого храни сердце твоё...»¹⁰

Вечно твоя Эмма».

Весь день я сидел, глядя на озеро, вода и вода пальцами по строкам письма. Я словно переписывал его снова и снова, зная, что когда-то её рука совершала точно такие же движения. Когда стало совсем темно, я взял ещё одну обструганную дощечку, укрепил мачту, облил нос и корму горючей жидкостью и отправил маленький парусник в путь. Крошечный огонек свечи затерялся вдаль, потом в темноте над озером – почти в двухстах ярдах от берега – взметнулось ослепительное пламя. Взметнулось и тотчас опало, исчезло, как исчезает из виду горящая стрела, перелетевшая через крепостную стену.

Прошел ещё год, и снова я начал считать дни, словно ребёнок, с нетерпением ожидающий Рождества, или как приговоренный, который точно знает, сколько дней и часов ему осталось до казни. Когда наступил решающий день, мне не нужно было просыпаться: я не спал; едва рассвело, походкой мертвеца я вышел на причал и просунул палец под клапан конверта. Я никак не мог решиться, застряв между отсут-

¹⁰ Притч., 4:23: «Больше всего хранимого храни сердце твоё, потому что из него – источник жизни».

ствием надежды и полным, окончательным адом. Мне было совершенно ясно: стоит мне сдвинуть палец в одну сторону, и я узнаю последние слова, которые она написала в своей жизни и которые она хотела сказать мне в последнюю минуту щемящей нежности – минуту, которой у нас так никогда и не было. Все, что отделяло меня от этих последних слов – это тонкая полоска высохшего клея да сознание того, что дальнейшая моя жизнь будет определяться *окончательностью* этого знания.

Вот почему я медлил. Вместо того чтобы вскрыть конверт, я поднял его повыше, подставив лучам восходящего солнца. Сквозь просвечивающую бумагу я видел тонкие линии и узнавал ее почерк, но слов разобрать не мог. В конце концов, не читая, я ногтем разгладил сгиб и спрятал письмо в нагрудный карман рубашки.

Прошел еще год, наступило еще одно Четвертое июля. За это время конверт пожелтел и помялся; я столько раз держал его в руках, что бумага пропахла моим потом, а чернила, которыми была сделана надпись на лицевой стороне, выцвели, что особенно бросалось в глаза по контрасту с появившимся рядом пятном кофе. С тех пор, как я нашел в банковской ячейке эти письма, прошло четыре года, однако за все это время я ни разу не забывал об Эмме больше чем на пять минут. Я думал о ней постоянно, думал о том страшном вечере – как она провела рукой по моим волосам и предложила мне хоть немного поспать. О, как бы хотелось мне по-

вернуть время вспять, облетев вокруг Земли, как Супермен, или, подобно Иисусу Навину и Езекии, остановить солнце силой молитвы.

Увы, в реальной жизни мало что удастся исправить.

Ближе к сумеркам самец кардинала уселся на ветку неподалеку и запел свою песнь, напомнив мне о моем долге. Продолжая качаться в старом, линялом и промытом дождем гамаке, я нехотя спрятал письмо и развернул газету. Вставив мачту в отверстие палубы, я нахлобучил газетный парус, облил суденышко бензином для зажигалок и приладил свечу. Заглушая песни сверчков, надо мной и над всей северной оконечностью озера с треском взлетали в ночное небо яркие фейерверки. Где-то на южном берегу детишки, вопя, размахивали снопиками бенгальских огней; в темноте они были похожи на пылающие цирковые обручи, сквозь которые прыгали незаметные в темноте тигры.

Да, почти пять лет минуло со дня, как я нашел ключ и открыл банковскую ячейку, где лежали ее письма. С тех пор многое изменилось. Единственное, что связывает меня теперь с внешним миром, это арендованный почтовый ящик в Атланте, откуда вся моя почта поступает в другой абонентский ящик – в Клейтоне, но не напрямую, а через анонимную почтовую службу в Лос-Анджелесе, где не задают лишних вопросов. Если вы пошлете мне срочное письмо с доставкой в течение суток, оно пересечет страну дважды и попадет ко мне недели через две, а вовсе не на следующий день, как

утверждает реклама. Фактически меня нет. Я просто не существую, и никто не знает, где я и чем занимаюсь. Никто, за исключением Чарли, но уж он-то точно ни с кем не станет делиться тем, что известно ему о моей тайной жизни.

А еще в моем доме нет ни одного зеркала.

Я опустил свое маленькое суденышко на воду, оттолкнул, и его подхватила молчаливая Таллала. Легкий ветерок покачнул парусник, но он выровнялся и стал забирать левее. Еще немного, и в темноте сверкнул столб пламени. Свеча догорела, огонь разбежался по палубе и осветил черное ночное небо, сделавшееся на мгновение голубоватым. Всего несколько секунд горел крошечный кораблик, превращаясь в пепел, потом его почерневшие останки канули в безмолвную глубину, и только в разбитом и пустом сердце еще долго звучало эхо былого.

Глава 3

За те десять минут, что я провел в комнате ожидания реанимационного отделения окружной больницы, мне удалось узнать почти все, что требовалось. Наверное, во всем Клейтоне не было человека, не слышавшего истории маленькой Энни Стивенс. Да, ее родители были миссионерами – погибли два года назад в Сьерра-Леоне, в разгар гражданской войны. У Энни была сестра-близнец, но она умерла за год до этого из-за какого-то генетического заболевания, давшего осложнение на сердце. А теперь Энни жила вдвоем со своей незамужней теткой Синди Макриди. Несколько месяцев тому назад девочку поставили на очередь на пересадку сердца – предыдущая плановая операция не дала никаких результатов, а фракция выброса (показатель, определяющий эффективность сократительной работы сердца) упала ниже пятнадцати процентов. Врачи в Атланте предсказывали, что жить Энни осталось каких-то шесть месяцев, и, хотя это было полтора года назад, ситуация оставалась критической. Никакой страховки у Энни, естественно, не было, поэтому ей и пришлось собирать деньги в ту пятигаллонную емкость, которую я только что видел. Как я узнал, она наполняла бутылку уже семь раз, собрав больше семнадцати тысяч долларов – операция и анализы стоят недешево.

Я был абсолютно прав, предположив изначально, что Эн-

ни не доживет до подросткового возраста.

Как правило, в небольших больницах нет полноценного травматологического отделения, а только травмпункт для оказания первой помощи, но здесь отделение травмы было. И, оглядевшись, я понял, что к его созданию приложил руку Сэл. Первой мне бросилась в глаза латунная табличка на стене, где было выгравировано: «Отделение неотложной медицинской помощи имени Сэла Коэна». Эту историю в Клейтоне тоже знают все. Лет сорок назад Сэл потерял пациента – новорожденного младенца. Причиной трагедии стало отсутствие в больнице необходимого оборудования: в преждевременных родах на свет появились недоношенные близнецы, а инкубатор для новорожденных был только один. Говорят, Сэл жутко разозлился тогда: и довольно скоро в больнице появился второй инкубатор, а еще какое-то время спустя отделение экстренной медицинской помощи округа Рабун стало лучшим к северу от Атланты.

Из двойных стеклянных дверей с надписью «Только для медицинского персонала» в комнату ожидания вошла Синди Макриди. Она уселась на стул, нервным движением подпернула рукава клетчатой хлопчатобумажной рубашки и, сложив руки поперек живота, приняла позу томительного ожидания. Выглядела она изможденной, словно тащила на себе груз, который был не по плечу и двоим таким, как она. Мне не раз приходилось видеть людей, взваливших на себя непосильную ношу, и я не сомневался, что дальше будет лишь

хуже.

Синди хотела сказать, но чувство неловкости и смущение мешали ей заговорить сквозь гул голосов, наполнивший помещение. Наконец братья-здоровяки – они тоже были здесь – помогли установить тишину, и Синди, промокнув глаза и пригладив ладонью волосы, нетвердым голосом проговорила:

– Энни... с ней уже все хорошо. Перелом чистый... и без осколков. Врачи выправили кость под наркозом и наложили гипс. Она только что пришла в себя. Мороженого попросила... фруктового... на палочке...

В толпе заулыбались.

– Рука, конечно, заживет, – продолжала Синди, – со временем. Сейчас к Энни пришел доктор Коэн, как всегда, с полными карманами...

И снова на лицах появились улыбки: привычки Сэла Коэна были всем хорошо известны.

– А вот сердце... Врачи говорят, они смогут сказать что-то определенное только через несколько дней. Энни сильная девочка, но... – Синди запнулась. – Мы... В общем, пока ничего не известно; нам остается только ждать, как все обернется. – Она снова сложила руки крест-накрест поперек живота и посмотрела куда-то вверх, смахнула слезинку и невесело усмехнулась. – Еще врачи сказали, Энни очень повезло, что тот незнакомый мужчина добрался до нее раньше меня. Если б не он... Энни сейчас была бы не здесь.

Несколько голов повернулись в мою сторону, и я ощутил острое желание надвинуть козырек бейсболки пониже, но тут в толпе кто-то крикнул:

– Эй, Синди, ты разговаривала с парнями из клиники Святого Иосифа? Когда они наконец передвинут Энни поближе к началу этой чертовой очереди? Ведь у нее же критическое состояние, разве нет?

Синди покачала головой.

– Проблема не в них, а в нас... Или, точнее, в Энни. После последней операции и... прочего... Ну... в общем... Энни не захотела, чтобы ее переносили в начало очереди, пока она сама не найдет для себя нужного доктора.

– Но, Синди, – возразил стоявший рядом со мной высокий мужчина, – ты что, не можешь переубедить девчонку? Где это видано, чтобы такая соплячка решала такие вопросы?! Да она еще скажет тебе спасибо! Сделай это хотя бы в память о Бетси!

Синди кивнула.

– Ты прав, Билли. Я и сама хотела ее уговорить, но... но все не так просто.

Так обычно и бывает, подумал я. В этом мире все непросто.

Немного понизив голос, Синди сказала:

– Я боюсь, у Энни хватит сил еще только на одну операцию. Если она снова не даст результатов, Энни просто не сможет восстановиться, и тогда... Вот почему я считаю, что

в следующий раз все должно быть без неожиданностей, потому что... – Синди, потупившись, посмотрела себе под ноги, потом подняла взгляд и снова посмотрела на Билли. – Потому что это, скорее всего, будет ее последняя операция.

Приземистая полноватая женщина рядом с Билли хлопнула его по спине плоской сумочкой, и он с обиженным видом засунул руки поглубже в карманы.

– Лечащий врач Энни уже летит сюда из Атланты, – сообщила Синди. – Думаю, он будет здесь через час или около того. Он осмотрит Энни, и мы будем точно знать, каково ее состояние. Но даже если она сможет перенести пересадку, нам еще нужно будет найти хорошего врача, который возьмет на себя риск и сделает эту операцию. Так что проблемы все те же... – Она слабо улыбнулась. – Нужно донорское сердце и нужен врач, который взялся бы за пересадку и который понравился бы Энни. К сожалению, пусть операцию будет делать и лучший кардиохирург, ее шансы невелики и... – Синди кашлянула через плечо и снова понизила голос: – И со временем, увы, становятся хуже.

Ее слова были встречены полным молчанием. Некая призрачная надежда, еще недавно тешившая людей, растаяла без остатка...

Синди выглядела лет на тридцать пять, да столько ей, наверное, и было. Голос ее звучал сдержанно, почти бесстрастно – бесцветно, – что объяснялось, по-видимому, как особенностями характера, так и давлением свалившихся на нее

тягот последних лет. Она была вся словно прибитая – не то чтобы полностью махнула на себя рукой, но просто не считала нужным заботиться о своей внешности больше, чем это необходимо по правилам простого приличия. Светлые волосы невнятного цвета собраны в «хвост» на затылке обычной аптечной резинкой (тоже знак крайнего небрежения и усталости), лицо без следов косметических ухищрений. Крепкая спина Синди и длинные, мускулистые руки и ноги накладывали на нее отпечаток суровой устойчивости, однако ее движения и жесты были плавными, почти изящными. На первый взгляд Синди казалась человеком холодным, но в ней все же угадывалась какая-то тихая, неброская красота. Деловая, самодостаточная, предполагающая внутреннее богатство натура, она в то же самое время производила впечатление женщины, которая, попав в трудные жизненные обстоятельства, не отвергнет обращенную к ней извне помощь. Скорее луковица, чем банан... Глаза Синди были того прозрачного зеленого оттенка, который можно найти только под кожицей спелого авокадо, а губы были красны как мякоть персика рядом с косточкой. Бесформенная клетчатая ковбойка, потертые джинсы и все остальное, вплоть до резинки на голове и скрещенных на животе рук, на первый взгляд указывали на то, что Синди пренебрегает тем, как она выглядит в глазах людей, ради собственного удобства и простоты обихода, но у меня понемногу складывалось впечатление, что, как и любая другая женщина в подобном положении, просто предпочита-

ет не демонстрировать все, чем одарила ее природа, так как бóльшую часть времени ей приходится тратить на то, что она делает изо дня в день. И этим Синди напомнила мне Мерил Стрип в фильме «Из Африки», когда ее героиня работала на кофейной плантации.

«...Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»¹¹.

Наконец Синди встала, сказав в заключение:

– Когда будут еще какие-нибудь новости, я повешу объявление в витрине магазина. – Тут она посмотрела на пожилого джентльмена, который, стоя у стены, внимательно прислушивался к происходящему. – Если вы не против, мистер Дилахант... – добавила Синди.

Мистер Дилахант кивнул.

– Ты просто позвони Мейбл, и она сама отпечатает все, что тебе нужно, – сказал он.

Собравшиеся стали потихоньку расходиться, обмениваясь впечатлениями и замечаниями – им было о чем поговорить, – а Синди, пробравшись к торговому автомату, стала рыться по карманам в поисках мелочи. Руки у нее дрожали, монеты то и дело падали на пол, она их сосредоточенно подбирала и снова роняла, но никак не могла набрать нужную сумму.

Голоса в моей голове вступили в решительную схватку

¹¹ Ф. Достоевский «Братья Карамазовы»

друг с другом. Пока они боролись между собой, я подошел к Синди сзади и, достав из кармана четыре четвертака, протянул ей на раскрытой ладони.

Обернувшись, Синди увидела меня и, похоже, с трудом подавила напавшую на нее внезапную дрожь. Отбросив с лица прядь волос, которая, впрочем, немедленно вернулась в прежнее положение, она взяла предложенные монеты и, опустив их в щель приемника, нажала кнопку с надписью «Диетическая кола». Темные круги у нее под глазами говорили о глубокой усталости и полном упадке сил, поэтому я сам отвернул пробку на пластиковой бутылке и протянул ей. Синди сделала глоток, посмотрела на меня поверх бутылочного горлышка и кивнула.

– Еще раз спасибо, мистер... – Опустив взгляд, она сосредоточенно потыкала мыском туфли в какое-то пятнышко на бетонном, с добавлением цветной каменной крошки полу, а потом снова взглянула на меня.

– Доктор Коэн сказал, что я должна перед вами извиниться.

Я покачал головой.

– Врачи не всегда бывают правы.

– Сэл обычно не ошибается, – возразила она.

Почти целую минуту мы стояли молча, не зная, что еще сказать. Наконец Синди проговорила:

– Кардиолог из Атланты, который лечит Энни, действительно очень хороший врач. Я только что говорила с ним по

телефону, и он сказал, ему не терпится считать информацию с той штуки, которую вы прикрепили Энни на грудь. Он сказал, очень немногие люди расхаживают по улицам с такими приборами в кармане.

– А напрасно. Они могут оказаться очень полезными.

Синди сложила руки, приняв закрытую – защитную – позу, и, слегка вздернув подбородок, отвернулась к окну.

– Сэл сказал, что я могла бы убить Энни...

– Меня зовут Риз, – вместо ответа представился я и протянул руку. – На улице было как-то не до того, знаете ли... И давайте на «ты», если не возражаете...

– Ох, извините!.. – Синди торопливо отерла ладонь о джинсы, и мы обменялись рукопожатием. – Конечно!.. Когда-то я не позволяла себе забывать о хороших манерах, но теперь... Синди Макриди. – Она показала на закрытые двери отделения экстренной помощи. – Энни – дочь моей сестры, стало быть, я ее тетка.

– Да, я более или менее в курсе. Тетя Сисси.

Мы еще немного помолчали, машинально прислушиваясь к перешептыванию тех, кто еще не успел покинуть комнату ожидания. Потом Синди показала на мою одежду.

– За последние несколько лет я повидала немало санитаров и фельдшеров, но вы... но ты... но чтобы человек... в таком виде... оказывал медицинскую помощь... я была к этому не готова. Прости. Откуда ты знал, что нужно делать?

Высокое зеркало рядом с нами – мы продолжали стоять

у торгового автомата – отражало меня целиком, и, надо сказать, Синди была права. Я и в самом деле был похож на маляра, штукатура, плотника – кого угодно, но только не на медика. Помимо всего прочего, уже лет пять, если не больше, как я не брился, поэтому и сам себя узнавал с трудом. Да, если не считать глаз, я действительно здорово изменился.

– Еще подростком я подрабатывал в одной больнице – в отделении экстренной помощи: убирал, мыл полы и делал другую черную работу. В конце концов мне разрешили ездить на вызовы вместе с пожарными. На место происшествия мы обычно приезжали первыми: сирены воют, мигалки мигают, бензопилы ревут – тогда это казалось мне романтичным...

На лице Синди сквозь усталость проступила улыбка. Кажется, она мне поверила, но, похоже только потому, что слишком устала и поверить было проще всего.

– ...Потом, уже в колледже, я начал работать в больнице в ночную смену, чтобы платить за учебу и учебники. Я часто ездил с бригадой скорой в качестве подай-принеси-подержи, ну и нахватался всего... – Я пожал плечами. – Думаю, это как езда на велосипеде: раз научившись, уже никогда не забудешь. – И это тоже было правдой. До сих пор я не сказал ей ни слова лжи – *пока* не сказал.

– Кажется, у тебя память получше, чем у меня, – сказала Синди. – Вон сколько ты всего помнишь!

Я понял, что безопаснее будет направить наш разговор в

другое русло, и, улыбнувшись, покачал головой:

– Откровенно говоря, мне больше нравилась не сама медицина, а сирены и мигалки. К ним я до сих пор неравнодушен. – И эти два моих заявления вполне соответствовали истине, хотя и относились только к внешней стороне дела.

– Ну что ж... – Синди крепче сжала сложенные на груди руки, словно ей стало еще более зябко. – Тем не менее – спасибо. Спасибо за все, что ты сделал сегодня.

– Да, чуть не забыл!.. – Я сунул руку в карман и достал крошечный золотой сандалик, который висел у Энни на шее. – Вот, ты обронила на улице.

Синди подставила мне ладонь, и я положил туда украшение. При виде золотого сандалика из глаз у нее брызнули слезы, которые она пыталась сдержаться. Я протянул ей носовой платок, и она тщательно вытерла им глаза.

– Это... это моей сестры. Его прислали почтой из Африки после того как... после того, как нашли их тела.

Синди замолчала. Волосы снова упали ей на лицо, но на этот раз она не стала их убирать, и я снова подумал о том, что за последние десять лет на ее долю выпало немало тяжелых испытаний – и все они оставили свой след.

– Энни носит его с тех пор, как пришел тот конверт, – добавила Синди, осторожно убирая сандалик в карман. – Спасибо тебе... в третий раз. – Она через силу улынулась, невольно покосившись в сторону двойных дверей, ведущих в отделение. – Ну ладно, мне, наверное, пора. А то Энни бу-

дет волноваться.

Я кивнул, и Синди повернулась, чтобы уйти. Она была уже у дверей, когда я окликнул ее:

– А можно мне навестить девочку, скажем, через день или два? Врачи не будут возражать? Я хотел бы принести ей фруктов или игрушечного медвежонка.

Синди обернулась, убрала волосы за уши, потом занялась рубашкой, старательно завязывая ее полы узлом на животе.

– Конечно, можно, только... – Она оглянулась по сторонам и добавила заговорщицким шепотом: – Никаких медведей, договорились?.. Энни обычно дарят именно медвежат, так что... Ты только никому не говори, но я уже начала их понемногу раздаривать. – Синди слегка улыбнулась. – Попробуй проявить смекалку, изобретательность. Можешь подарить ей жирафа... зеленого!.. Но только никаких медведей!

Преследуемый больничным запахом, от которого я никак не мог отделаться, я возвратился на автостоянку.

Глава 4

Мой будильник сработал в два часа ночи. Поднявшись с постели, я потихоньку вышел на причал и прыгнул в воду. Было, конечно, довольно свежо, но я знал, что подобные упражнения заставляют кровь быстрее бежать по жилам.

Наплававшись, я выжал сок из нескольких яблок и моркови, добавил немного тертой свеклы, петрушку и сельдерей и закусил это «профилактическое» снадобье таблеткой детского аспирина. В три часа я развел нестойкую краску для волос, чтобы придать своим светло-русые волосам темный, почти черный цвет. Бороду и баки я, напротив, выкрасил в цвет седины, сразу прибавив себе лет двадцать. Изменив внешность до неузнаваемости, в половине четвертого я уже был на шоссе. Выехал я с большим запасом, чтобы не застрять в утренних пробках и успеть на самолет, который вылетал из Атланты в половине шестого.

В аэропорту я сидел в главном зале у ворот Б, дожидаясь, пока объявят посадку на мой рейс. Аэропорты я не люблю. Никогда не любил. Каждый раз, задумываясь о том, на что может быть похож ад, я невольно вспоминаю аэропорт Атланты. Тысячи пассажиров, как правило, чужих друг другу людей, втиснуты в тесное, замкнутое пространство терминала; все спешат, нервничают, разыскивают туалет, выход в город, регистрационную стойку или ворота, ведущие на посад-

ку. А главное, все эти люди оказались здесь не по доброй воле. Аэропорт – это неизбежное зло, пересадочный пункт, вынужденная остановка по пути из пункта А в пункт Б, поэтому ни один человек не может чувствовать себя здесь как дома. Пассажиры попадают сюда лишь на время, и это время не назовешь приятным. Все аэропорты таким образом весьма напоминают больницы.

Самолет приземлился во флоридском Джексонвилле. Я взял напрокат автомобиль и поехал в отель «Морская черепаха» на Джексонвилл-бич, где в восемь утра, как значилось в Интернете, должна была начаться научно-практическая конференция. Я снял номер на сутки, зачесал волосы назад, подбавил седины на висках, освежил лицо «Скин-брейсером»¹² и завязал галстук двойным виндзорским узлом, отчего он сразу стал слишком коротким и не доставал до пояса на добрых два дюйма. Пиджак был мне тесноват, рукава коротки, а брючины подшиты на разной высоте. И брюки, и пиджак были темно-синего цвета, но разного оттенка, поскольку были от двух разных костюмов, купленных в комиссионном магазине, что касалось ботинок на толстой двойной подошве, то они уже четверть века как вышли из моды. В довершение всего я надел очки в толстой роговой оправе, стекла которых, хоть и без диоптрий, неплохо скрывали мои глаза, а в руки взял старую, потертую трость.

¹² Товарный знак лосьонов до и после бритья производства компании «Колгейт-Палмолив».

Пока участники конференции не начали собираться в конференц-зале, я прятался в туалете. Затем, окинув свое убежище, я просочился за ними в зал. Туда я вошел самым последним – уже после того, как были сделаны организационные объявления, – и уселся на свободное место в заднем ряду. Как я и рассчитывал, никто со мной не заговорил, а сам я не собирался первым вступать в беседу.

«В конце концов, что такое ложь? Это просто хорошо замаскированная правда»¹³.

Основным докладчиком был человек, о котором я много читал. Написал он немало и считался одним из авторитетов в своей области. Я слышал его на нескольких конференциях в разных городах страны, но сейчас, несмотря на мой интерес к предмету, а также на тот факт, что в некоторых моментах докладчик слегка ошибался, мой разум невольно блуждал. В окно слева от меня был виден океан. Атлантика была спокойна: по поверхности один за другим накатывали небольшие валы, на которых, покачиваясь, добывали себе корм пеликаны, да изредка вдали появлялись подпрыгивающие точки – это пробовали волну серфингисты. Заглядевшись на этот мирный пейзаж, я незаметно отвлекся, а когда снова повернулся к трибуне, оказалось, что утро подошло к концу и настал обеденный перерыв. О чем шла речь, сказать я не мог. Из головы у меня не шла девочка в желтом платье, я вспоминал вкус лимонада да мысленно повторял надпись, выгра-

¹³ А. Поуп, письмо к У. Форгескью, 23 сентября 1725 г.

вированную на подошве золотого сандалика.

Подобные конференции служат, как правило, двум основным целям. Во-первых, они позволяют специалистам быть в курсе новейшей научной и практической информации, которая, обновляясь чуть ли не ежедневно, просто не успевает попасть в академические журналы. Кроме того, подобные сборища дают возможность коллегам встретиться, обменяться новостями, просто похлопать друг друга по плечу.

Большинство приехавших в Джексонвилл специалистов я знал, вернее, когда-то знал. С некоторыми из них я вместе работал. К счастью, никто не смог бы теперь меня узнать, сядь я в соседнее кресло.

Именно это, кстати, и произошло сразу после обеда. Вернувшись в зал, я снова занял место сзади – на предпоследнем ряду, в плохо освещенной области под балконом, где почти никого не было. Не прошло и минуты, как в зале появился Сэл Коэн. Он медленно подбрел к моему ряду и, указывая на кресло рядом со мной, вопросительно на меня взглянул. Я кивнул, невольно подумав: «Что, ради всего святого, он здесь делает?!»

И потом старался смотреть только вперед. Слайд-шоу, иллюстрировавшее утренний доклад, продолжалось почти два часа, в течение которых Сэл несколько раз переходил от глубокого интереса к глубокому сну, сопровождавшемуся негромким храпом.

В три часа на трибуну поднялся новый докладчик, кото-

рый стал рассказывать о четырехлетней разработке новой методики, получившей название «Процедуры Митча-Пэрс-са». Этот метод, став особенно модным после того, как некий врач в Балтиморе успешно осуществил его на практике, не сходил с уст большинства собравшихся в зале мужчин и женщин. Эта тема меня не интересовала – мне и в самом деле было все равно, как именно следует проводить эту манипуляцию, поэтому я извинился и вышел в вестибюль, где взял себе в буфете чашку кофе и рогалик. В пять часов однодневная конференция завершилась, я отметил себя в перечне присутствовавших и поехал в аэропорт, дабы успеть на обратный рейс. Меня несколько беспокоило, что Сэл может возвращаться тем же самолетом, но, заглянув перед посадкой в списки пассажиров, я не обнаружил там его имени. Если бы старый врач летел этим же рейсом, мне пришлось бы менять билет, но все обошлось. Вскоре мой самолет благополучно приземлился в аэропорту Атланты, однако из-за крупной аварии на северном участке кольцевой дороги домой я попал уже за полночь.

В коттедже Чарли на противоположном берегу залива было темно, однако это ничего не значило. Он вообще редко включал свет. Напрягши слух, я услышал, что из дома доносится звук его губной гармошки. Довольно скоро музыка прекратилась, и на берегу воцарилась полная тишина, которую нарушали только голоса сверчков. Их монотонное пение и убаяло меня. Впрочем, я так устал, что особенно ста-

ратся им не пришлось. Через минуту я уже спал.

Глава 5

В пять утра я осторожно приоткрыл дверь эллинга – лодочного сарая – и сразу почувствовал камфарный запах «Нокземы». Чарли, боясь как черт ладана раздражений задницы, перед тем как сесть в лодку, втирает защитный крем в замшевое сиденье своих спортивных трусов. Было еще темно, но я сразу увидел его расprostертую на полу фигуру – Чарли растягивался. Кроме того, даже и в темноте я без труда разглядел блестящие мокрые следы, которые вели в эллинг от того места, где мой шурин выбрался из воды. Не совсем хорошо я понимал только одно: зачем ему еще и растягиваться? Много лет Чарли занимался пилатесом и мог без труда закинуть ногу себе за голову, если бы захотел. Более гибкого человека я не встречал. И более сильного.

Рядом с Чарли сидел его желтый лабрадор – сука по кличке Джорджия. Чарли редко выходил куда-нибудь без нее. Заметив меня, Джорджия легонько застучала хвостом по полу, давая знать, что рада меня видеть.

Дощатый пол скрипнул у меня под ногой, и Чарли поднял голову. Думаю, однако, что он услышал мои шаги еще до того, как я отворил дверь, хотя под полом эллинга громко хлопала вода, бившаяся о каменную подпорную стенку¹⁴, а

¹⁴ Каменная или бетонная конструкция, удерживающая от обрушения находящийся за ней массив грунта. Используется при строительстве причалов, плотин

деревянные стены еще больше усиливали звук.

Я включил флюоресцентную лампу над одним из верстаков, и Чарли улыбнулся, но ничего не сказал. На специальном стеллаже у стены лежал скиф-двойка. Я постучал кончиками пальцев по днищу, и Чарли кивнул. Лодка весила не больше восьмидесяти фунтов, но при длине свыше двадцати пяти футов управляться с нею в одиночку было не особенно удобно, поэтому обычно мы спускали ее на воду вместе. Вот и сейчас Чарли легко поднялся с полу и обнял руками нос лодки, а я взялся за корму. Осторожно пятясь задом по наклонной рампе, он вышел на причал и осторожно опустил свой конец лодки в спокойную, блестящую, как черное стекло, воду.

Протолкнув скиф немного вперед, я легонько похлопал Чарли по плечу.

– И тебе доброго утра, – отозвался он и, пока я вставлял весла, схватился за уходящую в воду лестницу-трап, нащупал лодку ногой и легко опустился на место загребного. Простав ступни в подножку, он принялся завязывать шнурки, а я сел на первый номер. Не успел я застегнуть свой «запасной» кардиомонитор, как Чарли постучал пальцем по веслу, что на нашем тайном языке означало: «Я готов». Мы оттолкнулись и опустили весла в воду. Гребок. Развернутые плашмя лопасти тихонько прошелестели по неподвижно-зеркальной поверхности озера и снова погрузились в воду. Оставляя за

собой расходящиеся полукружья волн, мы вышли из узкого заливчика, венчающего северную оконечность озера Бертон.

Теплая тишина окутала нас. Обернувшись через плечо, Чарли слегка улыбнулся и прошептал:

– Говорят, у тебя вчера был нелегкий день.

– Угу.

Еще гребок, тонкое шипение падающих с лопастей капель, легкий всплеск погружающихся в воду весел... На спине Чарли от шеи до поясницы вздувались и играли мускулы – хорошо развитые и на редкость гармоничные, они являли собой почти безупречный образчик тренированного человеческого тела.

– Что ты сегодня надел? – На этот раз Чарли улыбнулся шире.

– То же, что и всегда.

Чарли покачал головой, но ничего не сказал, и мы продолжали наше синхронное движение, то наклоняясь вперед, то откидываясь назад.

Расстояние от моста Джонса до Бертонской плотины составляет ровно девять миль. Почти всегда, выходя на воду, мы преодолеваем его целиком – туда и обратно. Мы с Чарли составляем очень неплохую команду. Я выше ростом, но более худой. Чарли, напротив, коренаст и крепок, так что я предпочел бы не встречаться с ним в темном переулке. Мой показатель максимального потребления кислорода выше, что означает, в частности, что у меня больший объем

легких, а сердце перекачивает большее количество крови в единицу времени. Иными словами, мой организм способен в течение длительного времени усваивать значительное количество кислорода. Что касается Чарли, то в его теле – где-то глубоко внутри – скрыт некий особый механизм, который не подчиняется законам физики или анатомии, но который дает обычным людям возможность совершать чудеса: например, выиграть первенство штата по борьбе, уложив на лопатки (причем не один, а два раза) чемпиона страны среди юношей.

Первенство проходило по системе, когда участник выбывал после двух поражений, а поскольку на соревнованиях в старшей школе противник Чарли ни разу не проиграл, моему тогда еще будущему шуруну пришлось уложить его дважды. В первой схватке он прижал соперника к ковру во втором раунде. Когда же они встречались во второй раз, Чарли завязал парня узлом через считанные секунды после начала. Его победа выглядела особенно убедительной еще и по той причине, что тогда Чарли учился в предпоследнем классе, а его соперник-чемпион был выпускником. После этого случая Чарли выиграл еще три первенства штата, да и в школьных соревнованиях больше никогда никому не проигрывал.

На первой половине пути нам немного помогало течение, но Чарли все равно греб, не жалея себя; он вкладывал в работу всю мощь своих мускулов, и мы неслись на юг, точно на крыльях. Сила, с которой он отталкивался веслами от во-

ды, подсказывала мне, что Чарли в отличной форме и что он отменно чувствует себя, а это означало, что сегодняшняя тренировка дастся мне нелегко. У меня *уже* ныли мускулы на руках и на ногах, а ведь мы пока шли по течению. Что же будет, когда мы двинемся обратно?

После семи утра ходить по озеру хоть на байдарке, хоть на академической лодке становится довольно проблематично. Именно в это время на водоеме появляются скоростные катера и гидроциклы, поэтому мы с Чарли обычно тренируемся ни свет ни заря. Конечно, остается еще погода, которая в наших местах меняется столь внезапно, что предсказать ее практически невозможно. Происходит это оттого, что с окружающих гор то и дело срываются холодные ветры и торнадо, которые долго гуляют по озеру и способны потопить все и вся. В Вербное воскресенье 1994 года, то есть еще до того, как мы перебрались в эти края, над округом пронеслась «сверхячейка»¹⁵ примерно из тридцати торнадо, получившая название «Воскресный убийца». Старожилы до сих пор помнят не столько протяжный вой, который издавали эти смерчи, сколько весь тот мусор и обломки, которые плавали по озеру в течение нескольких дней после катастрофы. Только мертвых тел среди мусора почти не было: подхваченные торнадо сломанные сучья и острые осколки черепицы превращали человеческую плоть буквально в фарш, поэтому

¹⁵ Вихри, которые возникают в центре грозового облака диаметром от 2 до 10 км.

группы сразу погружались на дно озера – туда, где уже больше столетия спал затопленный город Бертон.

Академическая гребля не похожа ни на какой другой вид спорта. Отличий много, и главное из них заключается в том, что это единственный спорт, в котором спортсмену не нужно постоянно смотреть вперед. Направление движения гребца-академиста определяет главным образом глядя назад. Легкоатлеты, в особенности спринтеры и барьеристы, выглядят на дорожке как локомотивы на полном ходу: их ноги отталкиваются от земли, а руки от воздуха, словно мощные поршни и рычаги. Футболисты сталкиваются друг с другом, словно тараны, или виляют из стороны в сторону, как ярмарочные электромобильчики. Что касается европейского футбола, то эта сумбурная игра и вовсе представляется чем-то средним между балетом и боем быков, и только в гребле спортсмен похож на гибкую пружину.

Чтобы лучше понять это сравнение, вскройте заднюю крышку наручных часов, и вы увидите, как витки волосковой пружины то сжимаются, то снова расходятся. Гребец тоже двигается в определенном ритме, поддерживать который, впрочем, довольно-таки тяжело, снова и снова повторяя одни и те же движения. Вот он складывается чуть не пополам: колени прижаты к груди, руки вытянуты вперед, легкие втягивают как можно больше воздуха. Зацепившись веслами за воду, спортсмен начинает гребок: сначала он отталкивается от подножки одними ногами, затем подключает руки и кор-

пус, одновременно выдыхая воздух. К концу гребка его тело вытягивается почти что во всю длину, ноги выпрямлены, корпус откинут назад, руки согнуты перед грудью. Как только лодка получит необходимый толчок, спортсмен вынимает весла из воды и снова тянется вперед, снова сгибает ноги и жадно хватает ртом воздух, чтобы тут же совершить новый гребок, снова выложиться до предела.

Примерно так же бьется человеческое сердце.

Гребля – настолько тяжелый или, лучше сказать, энергозатратный вид спорта, что за одну гонку спортсмены прокачивают через свои легкие чуть ли не вдвое большее количество воздуха, чем представители других спортивных дисциплин. Именно поэтому тренированные гребцы отличаются большим ростом, длинными руками и вместительной, как бочка, грудной клеткой.

Если не считать роста, то Чарли выглядит именно так. Если бы люди были птицами, то он, наверное, принадлежал бы к породе кондоров или же альбатросов.

И все же гребля, каким бы тяжелым ни был этот вид спорта, способна дарить огромную радость, и эта радость – в движении. Академическая лодка имеет большую длину, но при этом очень узка и способна скользить по воде с завидной скоростью. Длинные весла, выносные вертлюги-уключины и роликовое сиденье-банка звучат как ударная группа в оркестре: они позвякивают, постукивают, поскрипывают, и этот ритмично повторяющийся перебор разносится да-

леко над водой. Правда, гребец, как я уже говорил, сидит спиной вперед, но это не мешает ему оценивать свое положение в пространстве и направлять нос лодки куда нужно. В этом ему помогают инстинкт и умение запоминать ориентиры. Через каждые несколько гребков спортсмен бросает взгляд через плечо, мгновенно запечатлевая в памяти обстановку впереди. Снова повернувшись лицом к корме, он лишь следит за кильватерным следом да за цепочками расходящихся кругов, оставленных на поверхности воды лопастями весел. Круги эти становятся все шире и шире, они сливаются друг с другом и в конце концов исчезают, но стремительная, как барракуда, лодка уже далеко – лишь тянется за ней цепочка свежих следов.

Мы с Чарли сразу нащупали общий ритм и вскоре уже миновали бухты Дикс-Крик, Тимпсон-Крик и Мокассин-Крик, где в озеро впадали ручьи, имеющие те же названия, и речушки. Пот струями стекал по моему лицу, соленые капли повисали на кончике носа, а мой кардиомонитор показывал, что я приближаюсь к границам своей «целевой зоны». Судя по промокшей от пота спине Чарли и по тому, как ходили ходуном его легкие, он тоже разошелся вовсю и был так же близок к вершине, как и я. И это было непередаваемо прекрасно! Общий ритм, полная согласованность усилий, стекающий по лицу пот и осознание собственных возможностей, пусть каждый гребок по-прежнему требует полного напряжения сил – вот что такое настоящая гребля. Я не знаю, с чем

это можно сравнить. Возможно, ни с чем. Говорят, подобную эйфорию испытывают бегуны на длинные дистанции¹⁶, но в гребле это проявляется вдвое сильнее. Может быть, втрое.

То, что в лодке я сидел на носу и теоретически отвечал за выбор направления, вовсе не означало, что Чарли не знал, где мы находимся. Когда мы прошли бухту Мюррей и остров Билли Гот и поравнялись с бухтой Чероки-Крик, он спросил, не оборачиваясь:

– Что, плотину уже видно?

– Еще немного, – отвечал я. – Сейчас должна появиться.

– Что-то мы медленно идем, – проворчал Чарли. – Придется поднажать, иначе мы не выиграем Бертонскую регату и в этом году. Я слышал, экипаж из Атланты снова будет участвовать.

Бертонская регата представляла собой ежегодную гонку на десятимильную дистанцию – как раз от моста до плотины. Мы с Чарли участвовали в ней четыре раза. В первый год мы пришли третьими, а в последующие – неизменно оказывались вторыми. Нашими главными соперниками был экипаж из Атланты – бывшие члены сборной страны и участники Олимпийских игр. Они были по-настоящему сильной командой, но мы с Чарли год от года прибавляли, хотя, возможно, эти парни просто позволяли нам так думать. Кроме того,

¹⁶ Состояние особого подъема, сходное с легким опьянением, наблюдаемое у спортсменов в циклических видах спорта во время длительной физической активности, в результате которой возрастает устойчивость к боли и усталости.

что они действительно были лучше, у них имелось и еще одно преимущество – их современная лодка из кевлара весила чуть ли не вдвое меньше, чем наша «Эмма». Нас, впрочем, наша лодка вполне устраивала, к тому же мы оба вполне резонно считали, что ради одной гонки в году вовсе не стоит обзаводиться суперсовременным, дорогим инвентарем.

Чарли действительно поднажал. Он налегал на весла с такой силой, что мы, можно сказать, летели вперед. Я сказал:

– Ты, я погляжу, и так в отличной форме.

В ответ Чарли поднял вверх палец.

– «Я лишь один из многих, но и я кое-что значу. Я не могу сделать все, но могу предпринять хоть что-нибудь. И пусть я не способен изменить все, но я сделаю то, что в моих силах!»¹⁷ – процитировал он.

Я улыбнулся. Если я то и дело поминал Шекспира, то Чарли любил цитировать Хелен Келлер¹⁸.

Помимо всего прочего, гребля дает человеку ощущение свободы, раскрепощает. Лодка неукротимо летит вперед, она словно стремится ворваться в будущее, и кажется, будто перед тобой открываются все новые и новые возможности, тогда как самая память о прошлом тает вместе с расходящи-

¹⁷ Слова, ошибочно приписываемые Хелен Келлер, принадлежат американскому писателю и священнику Эдварду Эверетту Кейлу.

¹⁸ Американская суфражистка и писательница. В раннем детстве ослепла и оглохла, но с помощью талантливой преподавательницы Энн Салливан, слабо-видящей, сумела получить образование, после чего занялась общественной деятельностью.

мися по воде кругами. Несколько секунд – и вот уже нет никакого прошлого, а есть только волшебное ощущение полета навстречу светлому завтра.

У плотины мы немного отдохнули. Пока наша лодка потихоньку дрейфовала вдоль берега, мы жадно хватали ртами прохладный воздух, стараясь отдышаться. Единственным звуком, нарушавшим окружающую тишину, был настойчивый писк моего кардиомонитора, сигнализировавшего о выходе за границы «целевой зоны». Услышав этот звук, Чарли улыбнулся, но ничего не сказал: у него был такой же приборчик, который издавал точно такой же тревожный сигнал.

Как только первые лучи солнца легли на поверхность воды, разгоняя утренний туман, я развернул лодку. Ключья тумана закручивались спиралью, вращались таким миниатюрным торнадо, и, поднимаясь над водой, окутывали нас, словно облако, оседая крошечными каплями на коже, и без того влажной от пота. Медленный танец туманных призраков был непередаваемо прекрасен, и, любуясь этой картиной, я, как часто бывало со мной в подобных случаях, подумал о том, что, несмотря на ужас и уродство повседневной жизни, красота все-таки никуда не исчезла.

И еще я подумал, что Эмма была бы очень рада увидеть то, что наблюдали сейчас мои глаза.

А то, что я видел вокруг себя, было очень похоже на одно давнее утро. В тот день я встал очень рано, вскипятил воду и приготовил Эмме чашку чая. Потом помог ей спуститься

на берег. Она сидела, прижав колени к груди; одной рукой Эмма обнимала меня, в другой держала чашку. Я укрыл ей ноги байковым одеялом, но она никак не отреагировала. Она просто сидела и в немом восхищении качала головой, завороченно глядя на творившееся на ее глазах волшебство. Наконец, сделав первый глоток, она поцеловала меня и, положив голову мне на плечо, прошептала:

– «О чем невозможно говорить, о том следует молчать...»¹⁹

Тогда я еще не читал Витгенштейна, однако впоследствии перечитывал его много-много раз.

Почувствовав мою неподвижность, Чарли обернулся и негромко сказал:

– Чудесное утро, правда?

– Да. – Я немного помолчал, впитывая окружающую красоту, и добавил: – Ей бы понравилось.

Чарли кивнул и вдохнул прохладный воздух, словно пробуя его на вкус, потом взялся за рукоятки весел. Лодка, чуть качнувшись, сдвинулась с места, и прошлое беззвучно скользнуло под днище – до следующего раза.

Когда мы вернулись к причалу, Чарли выбрался из лодки и ощупью двинулся вдоль стены эллинга, пытаясь сориентироваться в пространстве.

– Все в порядке? – спросил я.

– Ага, – отозвался он. – Все-таки у меня неплохо получа-

¹⁹ Людвиг Витгенштейн «Логико-философский трактат».

ется, верно? Я просто хотел увидеть, где я.

Чарли слеп, как летучая мышь, поэтому «видит» он исключительно с помощью слуха и осязания. Он различает лишь вспышки молнии во время грозы, огни фейерверков на Четвертое июля, да еще солнечный свет, но только если глядит прямо на солнце. Чарли ослеп пять лет назад, но о том, как это произошло, мы никогда не говорим: слишком это тяжело. Достаточно того, что мы оба, и он, и я, отлично знаем, при каких обстоятельствах это случилось. Что касается причины, вызвавшей к жизни те самые обстоятельства, то это вопрос куда более сложный.

Тогда у Чарли появилась Джорджия – собака-поводырь. Я купил ее Чарли на Рождество, когда стало окончательно ясно, что зрение к нему не вернется. Я посадил щенка под елку, и Чарли согласился – правда, не слишком охотно – оставить его у себя. Впрочем, он довольно быстро полюбил Джорджию и теперь души в ней не чаял.

По идее собака-поводырь должна водить своего подопечного, но Чарли редко использует Джорджию, так сказать, по прямому назначению. Есть у него и белая тросточка с красным наконечником, но и ею он почти не пользуется: чаще всего она стоит в углу в прихожей у него дома или лежит в сложенном виде в заднем кармане. Да, Чарли слеп, но не беспомощен. Ну а я... «Я не пла́чу. // Я вправе плакать, но на сто частей // Порвется сердце прежде, чем посмею, // Я

плакать»²⁰.

Тем временем Чарли отыскал край причала и, аккуратно соскользнув в воду, нащупал натянутую под водой «путеводную проволоку», которая служила ему своего рода мостом. Держась за нее, Чарли неспеша поплыл к своему дому на другом берегу залива, ярдах в сорока от моего. Джорджия последовала за ним. Внезапно Чарли остановился в воде и обернулся ко мне:

– Тебе все еще снится тот сон?

– Да.

– А ты понял, что он означает?

– Нет.

– Может, помочь тебе его истолковать?

– Думаешь, ты сумеешь?

Чарли покачал головой.

– Нет, но если ты будешь и дальше спать так же мало, то в конце концов превратишься в сову.

– Спасибо на добром слове.

Чарли улыбнулся, перебирая ногами в воде.

– Каждый раз, когда я ночью встаю по нужде, я слышу, как ты чем-то гремишь...

– Ну, в общем-то, ты прав, – кивнул я. – В колледже я научился многому, в том числе и тому, как обходиться без сна.

– Я в курсе, но... Ведь это вредно для здоровья.

²⁰ У. Шекспир «Король Лир» (пер. Б. Пастернака).

– А то я не знаю!

– Даже не представляю, как она тебя терпела.

– Слушай, какое тебе дело?.. Плыви лучше домой, пока тебя не укусила какая-нибудь акула.

– Здесь нет акул. – Перебирая руками проволоку, Чарли начал медленно двигаться к противоположному берегу, вполголоса напевая музыкальную тему из «Челюстей». Я видел, что ему хочется сказать что-то еще, но он изо всех сил сдерживается. Впрочем, мне от этого было не легче. Слишком часто его молчание действовало куда сильнее слов.

Глава 6

Мое детство прошло в столетнем деревянном доме в паре кварталов от центральной площади провинциального Винингса. Это был совсем простой, без всяких украшений, двухэтажный дом – довольно высокий, но узкий, словно еще во время строительства какая-то сила сжала его с боков. По периметру второго этажа шел широкий балкон, нижняя часть дома была окружена террасой. Вокруг росли восемь раскидистых магнолий, так что в любой час дня в доме было темно, да и с улицы его можно было разглядеть лишь с большим трудом.

Дом был невелик – в нем и было-то всего три спальни, зато площадь террасы и балкона почти равнялась площади внутренних помещений. Ветви огромных магнолий возносились над крышей, словно руки великанов. Когда деревья цвели, мама открывала все окна и включала чердачный вентилятор в обратную сторону, так что он всасывал воздух с улицы, а вместе с ним – густой аромат, исходивший от древесных крон, под которыми мы жили. Некоторые ветви, раскачиваясь, скребли по столбам балкона на втором этаже или загибались под крышу нижней террасы, так что деревья и дом напоминали порой старых супругов, которые прожили вместе целую жизнь и прекрасно чувствуют себя в обществе друг друга. В детстве мы часто играли в прохладной тени на

террасе или карабкались по переплетенным ветвям магнолий – этому бесконечному воздушному лабиринту.

На каждом из деревьев мой отец развесил кормушки, что делало наблюдение за птицами простой и приятной задачей. Зяблики, кардиналы, пересмешники, голубые сойки, колибри, ласточки и даже изредка совы и краснохвостые сарычи – кого там только не было! С тех пор наша жизнь превратилась в постоянное, но нисколько не обременительное изучение мира пернатых, которые порхали, пели брачные песни и гнездились у нас под окнами. Ничего удивительного, что еще в раннем детстве я разбирался в птицах северо-западной Джорджии как профессионал.

Больше всего мне нравились кардиналы, да они и встречались чаще других: как-то раз мы насчитали на магнолиях одиннадцать гнезд. Первым бросался в глаза неоновый-яркий, как луч лазера, самец – он гордо стоял где-нибудь на ветке на фоне темно-зеленой листвы и коричневой коры, охраняя гнездовье. Где-то поблизости обязательно оказывалась и самочка: более темная, цветом оперения она напоминала свежепролитую кровь. Помню, как я был удивлен, когда узнал, что кардиналы выбирают партнера один раз и на всю жизнь. Весенними вечерами стены нашего дома звенели от их брачных песен, и мне казалось, их голоса похожи на кодированные звуковые сигналы, которыми подводные лодки обмениваются друг с другом, скитаясь в мрачных океанских глубинах.

С Эммой я познакомился в школе, на игровой площадке. Я учился тогда во втором классе. Помню, успешно преодолев «Джунгли», я все еще болтался на каком-то канате, когда заметил, что она внимательно за мной наблюдает. Эмма была новенькой: ее родители недавно переехали в наш город. Держалась она скромно и незаметно, не озорничала и только постоянно рисовала что-то в альбоме, внимательно следя уголком глаза за всем, что происходило вокруг. Для своего возраста Эмма была, пожалуй, слишком маленькой и какой-то хрупкой. На переменах, когда остальные ребята играли в кикбол²¹ или осваивали «Джунгли», она обычно сидела за небольшим столиком и, раскрыв перед собой альбом для набросков, быстро-быстро что-то там рисовала. Порой Эмме хватало четверти часа, чтобы с помощью простого карандаша и листка бумаги сотворить маленькое чудо.

Однажды в классе, сразу после большой перемены, она небрежно протянула мне свежий набросок, а сама вернулась на свое место у противоположной стены. На бумаге был изображен я – болтающимся на канате, подобно макаке, и улыбка у меня при том была самая идиотская. Эмма была абсолютно права: я, конечно, выставлялся, как мог, и рису-

²¹ Американская детская спортивная игра, объединяющая элементы бейсбола и европейского футбола.

нок отражал это даже лучше, чем фотография. На следующий день во время обеденного перерыва Эмма угостила меня домашним печеньем с шоколадной крошкой, а я поделился с нею своим молоком. Через неделю мы впервые сели вместе на музыкальных занятиях в классе миссис Уилсон, а когда прозвенел звонок, я не пошел играть в кикбол, чтобы посмотреть, как она рисует. В начале третьего класса родители Эммы переехали в небольшой кирпичный домишко в одном квартале от нашего, так что по дороге в школу я шел мимо него. И почти каждое утро я встречал по пути Эмму и ее младшего брата Чарли.

Чарли был четырьмя годами младше Эммы, но в чем-то ее обгонял. Так, у него были необычайно длинные и сильные руки, за что сестра прозвала его Попаем. Он очень любил что-нибудь мастерить, в особенности забивать что-нибудь молотком, и удар у него получался будь здоров какой. При этом он по-настоящему оберегал старшую сестру, и в первые года два нашего знакомства я не раз замечал, что Чарли исподтишка за мной наблюдает.

По складу характера он и в детстве был не чужд авантюризма и не всегда продумывал свои действия до конца. Однажды он решил покачаться на нашей магнолии, уцепившись вместо веревки за Резиновое Армстронга²², однако дело кончилось скверно для того и другого: Чарли здорово треснулся,

²² Детская игрушка в виде мужской фигуры из эластичной резины, наполнена гелем, обеспечивающим подвижность.

а Армстронг лишился одной из конечностей. Рухнув возле крыльца в кучу веток и листьев, Эммин братец с мольбой смотрел на меня, безмолвно взывая о помощи.

«Любознательный», «пытливый», «умеет играть в одиночестве» – так говорили обо мне в детстве, и, в общем-то, это было весьма справедливо. Едва научившись соединять вместе кирпичики «Лего», я очень скоро превратил свою комнату в лабиринт собственной конструкции, так что даже мама в конце концов махнула рукой и перестала заставлять меня там убираться. С потолка свисали на лесках модели самолетов, в углах стояли пяти- и шестиэтажные бревенчатые дома, собранные из наборов «Хижина Линкольна», битком набитые книжные полки были сплошь уставлены клееными из спичек фортами и крепостями, а большую часть письменного стола, за которым мне полагалось готовить уроки, занимали карточные домики (они не разваливались, ибо при строительстве я использовал столярный клей). Сломанные машинки «Мэтчбокс» я разбираю, а из частей собираю новые, невиданные модели, состоявшие зачастую из деталей от десяти-пятнадцати автомобильчиков. Из резинового медицинского жгута я мастерил рогатки. Став постарше, я усовершенствовал рукоятки, тормоза и передачи своего велика для езды по бездорожью, повысил скорость вращения потолочного вентилятора в своей комнате и изменил шаг витка пружины «Слинки»²³ таким образом, что она действитель-

²³ Игрушка-пружина. Изначально делалась из черного металла (выпускается до

но стала шагать по лестнице, как в рекламе. В общем, я и вправду постоянно что-то изобретал, мастерил, но главное, мне всегда хотелось узнать и понять, как работает тот или иной механизм.

В особенности меня интересовало устройство человеческого тела. Строительством и механикой я просто *увлекался*, но тайны тела захватили меня всерьез. Стены моей комнаты были увешаны схемами, диаграммами, обучающими плакатами, на которых было все: от строения скелета до разрезов внутренних органов, от структуры мышечной ткани до схемы нейронных связей в мозгу. А поскольку в моем умственном развитии руки всегда играли ведущую роль, то уже к семи годам я успешно препарировал – и снова зашил – двух гигантских жаб, одну рыбу, соседского кота, броненосца и длинную черную змею, которые, впрочем, были уже мертвы или умирали, когда я до них добрался.

По правде говоря, мои первые «хирургические операции» мало чем отличались от поведения большинства мальчишек, которые ломают игрушки лишь потому, что желают узнать, что у них там внутри, однако моя «зашивочная» техника уже тогда выглядела многообещающе. Стремясь усовершенствовать мастерство, я непрерывно тренировался: разрезал кожу апельсина и зашивал снова, стараясь не пролить ни

сих пор как ретроиздание). Ее можно перекидывать из руки в руку и тем самым успокаивать нервы. Также она умеет «шагать» вниз по ступенькам. Настоящая «Слинки» до сих пор производится только в США и бывает только круглой формы. Пластиковые «Слинки» производятся из цветного пластика.

капли сока. Потом перешел к французским булкам, что было гораздо труднее, так как их хрустящая корочка не только была тоньше, чем у апельсинов, но и норовила сломаться от любого неосторожного движения.

Чарли видел, как я трудился над жабами и соседским сямским котом, поэтому, бесславно свалившись в тот день с магнолии, он без слов протянул мне конечность Армстронга – истекающую гелем руку. Я не заставил просить себя дважды и тут же засел за работу – и не только пришил игрушке оторванную часть тела, но и ухитрился вернуть на место большую часть геля, обеспечив пострадавшей фигуре ее первоначальный вид. Затянув последний узел, я промазал шов быстросохнущим полимерным клеем, чтобы сделать игрушку более или менее герметичной. Да, согласен, результаты работы были заметны и не поражали исключительной красотой, но ведь все сработало, и Чарли играл со своим супергероем еще не один месяц.

В тот день, когда я вернул ему реанимированного Армстронга, Чарли подергал его за руки, растянул что было сил – и лицо его озарилось широкой улыбкой:

– Спасибо, Храбрый Портняжка!

Это детское прозвище дожило до сегодняшнего дня. Оно оказалось столь же долговечным, как и наша с Чарли дружба.

Глава 7

Это случилось в тот год, когда я еще учился в третьем классе. В последний перед рождественскими каникулами учебный день я шагал в школу и мечтал о настоящей винтовке, как у Реда Райдера²⁴ (я видел такие в отделе спорттоваров, они стреляют маленькими металлическими шариками). Когда я проходил мимо дома О'Конноров, из кустов неожиданно выскочил Чарли. Он сообщил мне, что у Эммы был «приступ» и родители повели ее в больницу. Я выслушал его сбивчивый рассказ, а потом сказал:

– Знаешь, Чарли, сегодня я не пойду в школу. Я хочу проведать Эмму. А ты?

Чарли оглянулся на дом, потом посмотрел вдоль улицы и... решительным движением зашвырнул свой рюкзачок обратно в кусты.

– Я с тобой.

Всю дорогу до больницы мы бежали. Ворвавшись в приемный покой, я, однако, не увидел там ни Эммы, ни ее родителей. Пришлось притвориться, будто я потерялся и не знаю, что делать. Самым жалобным голосом, на какой я был способен, я сказал медсестре за информационной стойкой, что никак не могу найти свою маму и сестру. Видимо, я сыг-

²⁴ Главный герой популярного комикса и телесериала жанра вестерн «Приключения Реда Райдера».

рал достаточно убедительно, поскольку нас с Чарли не только снабдили самой подробной информацией о местопребывании миссис О'Коннор, но и пропустили в отделение неотложной помощи.

Не успели мы выйти из лифта на третьем этаже, как наткнулись на мать Эммы, которая стояла возле автомата по продаже кока-колы и плакала. Узнав, что я пришел навещать ее дочь, она провела меня в палату, но Эмма находилась за какой-то прозрачной пластиковой перегородкой. Увидев меня, она улыбнулась, помахала мне рукой и даже что-то сказала, но я не расслышал ее слов, а подойти ближе мне не разрешили.

Эмма провела в больнице все каникулы.

Я тоже, если не считать утра самого праздника.

Перед Новым годом родители перевезли Эмму домой, и мне пришлось долго бросать в ее окно камешки, чтобы она выглянула, и я смог бы показать ей свою новую винтовку. Потом Эмме стало лучше. В конце третьей весенней четверти она на несколько недель вернулась в школу, но я сразу заметил, что походка ее стала неуверенной, а дыхание – слишком частым и хриплым, да и родители обращались с ней чересчур бережно, словно она была не девочка, а чайный сервиз из тончайшего фарфора.

Как-то раз мы втроем возвращались из школы, и я зашел к О'Коннора. Эмма сразу поднялась к себе в комнату, чтобы немного вздремнуть: теперь она очень быстро утомлялась,

а ее мать отозвала меня в сторонку и протянула небольшую пластмассовую коробочку для лекарств.

– Эмма должна обязательно принимать эти таблетки, – сказала она. – Они как витамины, только... – Она немного помолчала. – Они очень дорогие, но без них Эмма не сможет... не сможет поправиться. – Она осторожно взяла меня за подбородок, и я, подняв голову, посмотрел на нее. Глаза у нее были красными и усталыми, и под ними набрякли мешки.

– У меня к тебе большая просьба, – сказала она. – Проследи, пожалуйста, чтобы каждый день в обеденный перерыв Эмма не забывала принимать свое лекарство.

Я сжал коробочку в кулаке и кивнул.

– Ладно.

– Нет, ты должен пообещать!..

– Хорошо, мэм, я прослежу. Обещаю.

С тех пор каждый раз, когда нас отпускали на обед, я доставал из коробочки таблетку и протягивал Эмме. В ответ она проводила двумя пальцами по губам, словно застегивала их на «молнию», складывала руки на груди и отрицательно качала головой.

Я терпеливо ждал.

Наконец она говорила сквозь стиснутые зубы и «запертый» рот:

– Это лошадиные таблетки! Они слишком большие – мне трудно их глотать. Я могу подавиться!

Тогда я делил таблетку пополам своим швейцарским армейским ножом и просил школьную буфетчицу дать нам шоколадный пудинг или питьевой йогурт, чтобы Эмме было легче.

Эмма сердито смотрела на меня, и я говорил шепотом:

– Пожалуйста... Ведь я обещал!

Тогда она отправляла лекарство в рот, отпивала йогурта и бормотала:

– Это *ты* обещал, а не я!

Иногда она грозила не глотать таблетку, которую уже взяла в рот, и шантажировала меня, требуя, чтобы я забрал свое обещание назад, но я только качал головой.

– Возьми свое слово назад, Риз!

– Я не могу.

– Не можешь или не хочешь?

– И то, и другое.

В глазах Эммы вспыхивало пламя, но она глотала лекарство. Все-таки она была очень на меня сердита и не разговаривала со мной почти месяц, если не считать наших ежедневных «обеденных» стычек. Начиная с третьего класса я превратился для нее в «таблеточного надзирателя». Я был уверен, что Эмма меня ненавидит, но, как оказалось впоследствии, ошибался.

Глава 8

Сон, о котором упомянул Чарли, начал сниться мне вскоре после того, как я нашел ключ от банковской ячейки. Раз от раза он становился все отчетливее, словно впечатываясь в память, и повторялся почти каждую ночь. Как большинство сновидений, мой сон не отличался логикой и смыслом, в нем не было ни начала, ни какого-то определенного конца, однако отделаться от него я не мог, как ни старался. Стоило мне закрыть глаза, перед моим мысленным взором снова вставляли уже знакомые картины.

Мне снилось, будто я попал в старинный дом – века примерно восемнадцатого, хотя моя оценка может быть неточна, в конце концов, это все-таки сон, а не реальность. Я вижу каменные стены, деревянные полы и огромный закопченный очаг. Передо мной стоит грубый деревянный стол, на котором лежит какой-то человек. Быть может, это владелец дома, плантатор или лендлорд, который был смертельно ранен в недавнем сражении и теперь медленно умирает, жадно хватая воздух широко раскрытым ртом. Я вижу, что он очень страдает и что его ждет нескорый, мучительный конец, но ничего не могу сделать. Сам я, похоже, тоже побывал в битве, вот только солдатом я не был. И санитаром, скорее всего, не был тоже. Возможно, в этом сражении я был знаменосцем, поскольку с моих плеч свисает какой-то флаг, в который я

кутаюсь как в тогу.

В руках я держу кувшин с водой. Бока у него пробиты, а дно треснуло, поэтому, даже когда я держу его вертикально, вода вытекает из кувшина как из решета. Я пытаюсь заткнуть самые большие дыры пальцами, но их слишком много, и на полу под столом уже собралась порядочная лужа смешанной с кровью воды. Стоит мне, однако, наклонить кувшин, чтобы дать раненому напиться и обмыть его раны, как трещины тут же исчезают. А главное – сколько бы воды я ни вылил, кувшин все не пустеет. И вот я стою над телом совершенно незнакомого мне человека и лью на него воду, однако мне никак не удается понять, что же с ним случилось. Я пытаюсь найти на его теле раны, но не нахожу ничего. Единственное, что мне совершенно ясно, это то, что, пока я поливаю незнакомца водой, он может дышать; больше того, ему как будто становится немного лучше. Но вот беда – чем больше воды я выливаю из кувшина, тем тяжелее он становится, так что я с огромным трудом удерживаю его на весу обеими руками. Наконец силы мои кончаются, и я в изнеможении падаю на стол – в лужу разлитой воды, а раненый человек начинает громко кричать, сотрясаясь в агонии.

Этот сон повторяется каждую ночь. За несколько мгновений до того, как умирающий человек испускает последний вздох, я просыпаюсь, дрожащий, мокрый от пота, ошеломленный. Мои руки и плечи сводит судорогами от нечеловеческих усилий, внутренности горят от жажды, в ушах звенит

от предсмертных криков. Но хуже всего страх: я боюсь, что незнакомец в моем сне умер от чего-то очень простого – от чего-то, что окружающие должны были давно разглядеть, но не разглядели... от чего-то, что я не способен увидеть, потому что я тоже слеп.

Глава 9

На заднем дворе дома Эммы – в самой глубине – протекал небольшой, ленивый ручей. Шириной в десять футов, он был, как говорится, воробью по колено, хотя после сильных дождей воды в нем прибывало изрядно. Дно его было выстлано мягким песком, лишь кое-где попадались округлые камни размером с бейсбольный мяч да мелкая галька. Истоки ручья находились где-то высоко в горах; спустившись вниз, он неспешно петлял меж отлогих холмов и, мимоходом заглянув на задний двор Эммы, тек дальше к озеру. Иногда мы замечали в воде маленьких форелей и даже поймали несколько штук сачком для бабочек, однако по большей части ручей оставался для нас всего лишь вехой, знаком на земле, отмечавшим дальнюю границу заднего двора.

В те годы одним из наших излюбленных занятий было мастерить игрушечные парусники, поджигать и пускать в плавание по ручью. Чарли сноровисто выстругивал из подобранных на свалке обрезков досок корпуса будущих судов. Потом просверливал на носу и по центру пару отверстий, а мы втыкали в них деревянные штыри, служившие мачтами. В мусорном ведре мы выискивали выброшенные газеты; взяв сразу несколько страниц или газету целиком, мы складывали ее в несколько раз, так что парус получался достаточно плотным – толщиной листов в двадцать. Такой парус никогда

не складывался сам собой и не сползал по мачте вниз. Прорезав в верхней и нижней части газеты отверстия, мы надевали эти паруса на деревянные штыри, поливали палубу парусника керосином и ставили на корму зажженный свечной огарок. Будучи спущенным на воду, наш корабль неспешно плыл по ручью, а мы следовали за ним берегом, время от времени направляя его движение длинными палками. Примерно через сотню-другую футов свеча догорала, поджигая керосин, и парусник погибал в огне. За несколько лет мы построили и сожгли, наверное, целый парусный флот.

* * *

Пока Эмма одевалась наверху, я дожидался в кухне. Ее мать стояла у плиты и пекла оладьи на большой сковороде с длинной ручкой. Потягивая крошечными глотками апельсиновый сок, я очень старался справиться с волнением. Мысленно я много раз репетировал свой вопрос – и все же робел. Наконец я собрался с духом:

– Э-э-э... мисс Надин?..

– Что, милый?

– Можно у вас кое-что спросить?

– Конечно.

– Скажите, почему Эмма должна все время принимать эти таблетки?

Мать Эммы отложила в сторону кулинарную лопатку,

всхлипнула, взяла с буфета пачку салфеток и села напротив меня за кухонный стол. Высморкавшись, она некоторое время молчала, подбирая слова, потом сказала:

– У Эммы в сердце – дыра.

Эти слова потрясли меня. Они показались мне столь неправдоподобными и неправильными, что я обдумывал их целую минуту или даже дольше.

– Так поэтому она спит больше других детей?! – спросил я наконец. – И поэтому не играет с нами в кикбол и другие игры?

Мать Эммы только кивнула в ответ.

* * *

Учеба всегда давалась мне легко, но лучше всего я усваивал информацию, которую вычитывал в книгах. Я мог прочесть незнакомый текст один раз – даже не прочесть, а пробежать глазами, и после этого его уже не забывал. Даже через год, если бы кто-то спросил, что написано там-то и там-то, я мог бы слово в слово повторить прочитанное. И это было не механическое запоминание: полученная информация постоянно «варилась» у меня в голове, смешиваясь с другими знаниями и фактами, и, в свою очередь, определяла многие мои действия и поступки. Я всегда знал, что я буду делать, а главное – как именно это следует сделать, чтобы все получилось правильно.

Эмма была устроена иначе. Все, что она узнавала о мире, постепенно переходило из ее головы прямо в сердце (со временем я стал называть этот процесс «перетеканием»), определяя ее характер и то, кем была Эмма в этой жизни. Иными словами, если основными инструментами, с помощью которых я знакомился с реальностью, были научная теория, исследование и эксперимент, то Эмма воспринимала окружающее душой и чувствами. Например, если для меня радуга была проявлением строгих физических законов, которые я хорошо знал и понимал, то Эмма видела в ней только удивительную, созданную самой природой красочную палитру, какой мог позавидовать любой художник. Мир вокруг представлялся нам обоим чем-то вроде головоломки, состоящей из множества фрагментов, но если я видел каждую деталь в отдельности и мог объяснить, как она сочетается и взаимодействует с другими деталями, то Эмма была способна сразу разглядеть полную картину, в которую сложатся разрозненные фрагменты. Подчас мне казалось, что моя соседка живет в своем собственном мире, но дверь в него всегда была открыта, и она частенько приглашала меня взглянуть на него.

Да, в том, что Эмма необычная девочка, убеждать меня было не нужно. В восьмилетнем возрасте она обладала редкой способностью выражать свои чувства словами и поступками. Каждый раз, когда я пытался выразить, что у меня на сердце, на меня нападало какое-то странное косноязычие. У Эммы такой проблемы просто не было.

Я немного подумал, потом спросил:

– А разве врачи не могут ее просто зашить? Ну, эту дыру? Мать Эммы покачала головой.

– Они не знают как. Это... на самом деле это не так просто, как кажется.

Я поглядел на ведущую наверх лестницу, прислушался к легким шагам Эммы, которая быстро ходила в своей комнате, затем снова повернулся к ее матери. Сейчас мне кажется, что именно в этот момент меня осенило. Жизнь снова обрела смысл и стала простой и понятной.

– Мисс Надин, – сказал я. – Я смогу это сделать. Ну, смогу зашить дыру в Эммином сердце.

Мать Эммы слабо улыбнулась, вытерла слезы и потрепала меня по коленке. Некоторое время она молчала, о чем-то думая.

– Знаешь, дружок, – спустя минуту-другую сказала она, – если кто-нибудь и сможет когда-нибудь исцелить ее сердце, так это ты. У тебя есть... особые способности – я таких больше ни у кого не видела, так что... – Она крепко зажмурилась, снова открыла глаза и посмотрела на меня. – Ты сделаешь это, я знаю. Сделаешь. И не сомневайся – тебе это по силам.

В тот же день вечером, когда солнце опустилось к самому горизонту и живые изгороди, окружавшие передний

двор, потемнели, Эмма неожиданно схватила меня за руку и увлекла в густую тень под ветвями росшего у дома клена. Шмыгнув носом, она опасливо обернулась на окна фасада, и в ее глазах я заметил нечто такое, чего еще утром в них не было. Лишь много лет спустя я понял, что это был огонек надежды.

Еще раз оглядев окна, Эмма сказала:

– Я слышала, как ты говорил с мамой сегодня.

Я кивнул, и Эмма, прикоснувшись ладонью к моей щеке, наклонилась и легко поцеловала меня в уголок губ. И как только она это сделала, с моих глаз как будто сползла пелена.

С того дня я следил за тем, чтобы она не забывала принимать лекарства не по обязанности, а потому что мне *хотелось* беречь и защищать эту хрупкую девочку.

Глава 10

Я заскочил в «Инглс», чтобы купить кое-что из еды, потом поехал по Семьдесят шестому шоссе мимо гражданского центра, библиотеки, начальной школы и больницы. В больницу мне нужно было бы заглянуть – навестить Энни, принести ей в подарок игрушку (не плюшевого медвежонка) и забрать свой кардиомонитор, но это могло подождать. Проезжая мимо «Колодца» – бара Дэвиса Стайпса, – я почувствовал дразнящий аромат гриля, но сейчас у меня не было времени, чтобы остановиться и соблазниться чизбургером.

Дэвис подает самое холодное пиво и самые вкусные в Джорджии чизбургеры. Его меню написано мелом на стене и выглядит довольно экзотично: «Легкий шепот» с единственной лепешкой и минимумом гарнира; «Постоянная пальпация» с тремя сортами сыра и жареным луком; «Артериальный тромб» с двумя хлебцами, красным чили и зеленым халапеньо; «Остановка сердца» с фунтовой булкой, копченым беконом и сырным ассорти, а также вкуснейший «Четверной шунт» с четырьмя слоями хлеба, сочащегося насыщенными жирными кислотами и фирменным соусом. И все же главный шедевр Дэвиса – это «Трансплантат»: огромная лепешка, на которой висится целая гора сыров, зелени, перцев, бекона и прочего. Конечно, чизбургеры Дэвиса иначе как «сердечным приступом на тарелке» не назовешь, но они настолько вкус-

ны, что клиенты идут на риск. Я, например, каждую пятницу ужинаю в «Колодце» вне зависимости от того, голоден я или нет. Отказаться от этой привычки выше моих сил.

Сразу за «Колодцем» шоссе круто сворачивает в одну, затем в другую сторону. Этот коварный зигзаг прозвали Мышеловкой для «Харлеев» – и неспроста: мотоциклисты бьются здесь с завидной регулярностью. Один такой случай произошел чуть ли не у меня на глазах – и в тот самый день, когда я поехал в Атланту, чтобы купить себе настоящий чоппер «Харлей-Дэвидсон». Какой-то парень на японской «летающей вафле» не справился с поворотом и, когда я подкатил к тому месту, лежал на мостовой вверх лицом. Из ушей и носа у него текла кровь. Я опустился рядом с ним на колени. Но не успел я нажать на грудную клетку, чтобы сделать непрямой массаж сердца, как мне стало ясно, что у него не осталось ни одного целого ребра и под курткой – настоящий фарш из мяса и раздробленных костей. Да и шлем, похоже, не защитил лихача – он лишь не дал его мозгам разлететься по асфальту.

«Харлей» я так и не купил.

Сейчас я торопился домой, но на Мышеловке все же притормозил. Я был уверен, что Чарли уже отчаялся меня дождаться, и не ошибся. Когда я наконец добрался до берега, в доме было пусто и холодно. Чарли не было видно, зато я услышал, как на противоположном берегу выводит затейливую мелодию его губная гармошка. Судя по всему, Чарли

основательно разыгрался, и я не сомневался: скоро я услышу, как он притопывает ногой в такт очередной композиции. Чарли знал десятки, если не сотни мелодий в диапазоне от классики до блуграсса и мог, не переводя дух, исполнить все подряд.

* * *

Озеро Бертон находится фактически у меня на заднем дворе. Можно даже сказать, что это обширное пространство и есть мой задний двор, которым я могу распоряжаться по своему усмотрению. Когда-то на этом месте был процветающий город с тем же названием, но в свое время он был затоплен ради постройки гидроэлектростанции, которая и сейчас обеспечивает электроэнергией большую половину штата.

Жители города не возражали. Получив причитающуюся им компенсацию, они разобрали и вывезли свои перегонные установки и дистилляторы, а потом спокойно смотрели, как прибывающая вода заливает улицы и могильные камни на кладбищах.

Своего расцвета город Бертон достиг в начале 1800-х, в эпоху «золотой лихорадки», когда из этих мест были окончательно изгнаны индейцы-чероки. Первоначально он находился у слияния реки Таллалы и Мокасинового ручья. Почти не тронутый Гражданской войной, Бертон сыграл важную роль в эпоху бурного строительства железных дорог в

1880–1890-х годах. К началу XX столетия графства Рабун и Хэбершем могли похвастаться крупной туристической достопримечательностью, которая уступала разве что Ниагарскому водопаду. Порожистое ущелье, в котором текла Таллала, так и прозвали Южной Ниагарой, и не зря: первозданная дикая природа этого места привлекала почти столько же состоятельных туристов, сколько крупнейшая в Джорджии гидроэлектростанция.

Отвесные скалистые берега Таллалы, высота которых достигала порой сотен футов, идеально подходили для строительства каскада гидростанций, и в 1917 году Железнодорожная и Электрическая компания Джорджии выкупила у жителей городок Бертон, в котором уже тогда было целых три универсальных магазина. Вскоре была построена плотина, и 22 декабря 1919 года началось затопление города и ближайших окрестностей. Примерно восемьдесят с лишним домовладельцев, чьи жилища попали в зону затопления, вскочили в свои каноэ и лодки и, покачиваясь на волнах, наблюдали, как вода поднимается выше и выше. Когда ее уровень достиг максимума, верхушки двухсотлетних шестидесятифутовых сосен оказались на глубине тридцати-сорока футов от поверхности, однако на них можно было рассмотреть каждую иголочку: текущая с гор вода была прозрачной как чуть зеленоватое стекло.

После затопления Бертон превратился в подводное кладбище: за два столетия здесь было похоронено немало людей.

До сих пор вокруг озера, в укромных лощинах и на берегах уединенных маленьких бухт, рассредоточено больше десятка старинных погостов. На некоторых встречаются могильные плиты, датированные 1700-ми годами.

В своей высшей точке скалистые берега Таллалы поднимаются над речным руслом почти на тысячу двести футов. Это, собственно, и есть знаменитое Ущелье. За всю историю люди отваживались перебраться через эту кажущуюся бездонной щель всего дважды. Первым это сделал 24 июля 1886 года профессор Леон. Лишь восемьдесят четыре года спустя, 18 июля 1970 года, его трюк сумел повторить Карл Валенда.

После постройки плотин некогда полноводная Таллала превратилась в тонкую струйку. Как любили повторять старожилы, даже старик, встав ночью по малой нужде, напишет больше. И все же, благодаря этому ручейку, озеро Бертон имеет площадь свыше двух тысяч семисот акров, а протяженность его береговой линии – шестьдесят две мили. А ведь помимо него в округе Рабун есть еще пять напорных водохранилищ, это около двух процентов площади округа (к слову, она составляет триста семьдесят семь квадратных миль).

И тем не менее озеро Бертон стало по-настоящему известным лишь после того, как Эллиот Уиггингтон написал свои знаменитые «Книги волшебных огней», Джон Войт выбрался из Ущелья Таллалы в фильме «Избавление», а правительство штата построило наконец шоссе номер 400, ставшее впоследствии основной декорацией для скоростных погонь

в классическом боевике Берта Рейнольдса «Полицейский и бандит».

Современное озеро Бертон – курорт выходного дня, куда любят съезжаться миллионеры из Атланты и их отпрыски, питающие бешеную страсть к гидроциклам и скоростным катерам. Озерные берега обрамляют дубовые, сосновые и лавровые рощи, из которых повсеместно выглядывают крыши многочисленных «домов твоей мечты» и летних домишек попроще – этих тут понастроено на каждом шагу. Осенью и весной, когда на воде нет спортсменов-фанатов, озеро служит пристанищем для пернатых: диких уток, гоголей, касаток, крохалей и гагар. Весной в окрестных рощах гнездятся прилетающие с юга кардиналы, зяблики и пересмешники, а постоянное птичье население представлено несколькими видами колибри, зимородками, белоголовыми орланами, подорликами, а также большими голубыми и зелеными цаплями. Кроме того, дважды в году через озеро мигрируют многомиллионные стаи бабочек-монархов.

На своем парадном дворе – его можно считать и задним (это смотря с какой стороны подойти) – я кормил оленей, диких индеек, белок, бурундуков, енотов, кроликов и большого черного медведя, которого я назвал Джорджем – за любопытство²⁵. От многих я слышал, что благодаря Бертонской ферме по разведению рыбы в озере полно форели: радужной,

²⁵ «Любопытный Джордж» – серия детских книг о приключениях Любопытно-го Джорджа – маленькой коричневой обезьянки.

европейской, ручьевой. Сказать точнее, здесь насчитывается свыше сорока пород рыб, в том числе синежаберник, а также солнечный, большеротый и американский окуни. Мне, правда, так и не удалось поймать ни одного, хотя, подстрекаемый Чарли, я потратил на это немало часов.

Зато я их видел, и видел прекрасно, вот только заставить схватить приманку, увы, не сумел. Местные рыбаки ловят на живого сверчка, чего я никак принять не могу. Для меня это сродни истреблению певчих птиц, которых в летний сезон безжалостно бьют в прибрежных лесах и рощах городские бездельники с пневматическими ружьями. Да и в любом случае ловля рыбы на живую приманку всегда казалась мне занятием не слишком достойным. Чарли, правда, считает мои убеждения дурацкими, но по-прежнему просит меня привязывать ему крючки, поскольку это умею делать лучше многих других: в свое время различных узлов навязал я изрядно.

Дороги вокруг озера Бертон словно сошли с рисунков Нормана Роквелла²⁶ – вдоль них тянутся яблоневоы сады, на пригорках стоят обветшавшие мукомольни, в покосившихся лавчонках торгуют сотовым медом, домашней копченой свининой и кока-колой. На каждом углу туристу улыбается «Ковбой Мальборо» и продается холодное пиво, на пастбищах пасутся коровы и лошади и текут многочисленные ру-

²⁶ Норман Роквелл – американский художник, прославившийся главным образом иллюстрациями для прессы.

чи, вдоль которых стоят брошенные, пятнистые от ржавчины, старые авто. На протяжении всего лета пейзаж разнообразят огромные, величиной с дом, скирды, сложенные из тюков прессованного сена (в каждой скирде – приблизительно тонна душистой, высушенной до хруста травы). От дождей их укрывают белыми пластиковыми чехлами, отчего они делаются похожими на подтаявших снеговиков, терпеливо ждущих возвращения зимы (впрочем, с наступлением холодов чехлы снимают, а сено начинают скармливать скоту). Как ни странно, местные фермеры озером совершенно не интересуются, даже почти не рыбачат, хотя их жизни тесно переплетены с его существованием. Эти парни разъезжают по округе на красных или синих тракторах, носят пыльные широкополые шляпы, курят толстенные самокрутки и жалуется друг другу на плохой урожай. В этом, однако, нет ничего удивительного, поскольку землю свою они каждый год высасывают досуха, что тебе те слабосильные поросята, повисшие на сосцах свиноматки, а между тем на одном только разведении рыбы ценных пород каждый из них мог бы сколотить небольшое состояние и жить припеваючи.

А еще в окрестностях озера живет Бог. Возможно, кто-то улыбнется моей наивности, но я действительно верю, что Он здесь, прямо в этих холмах, и все потому, что и *мы* здесь. Уверен, Эмма это тоже знала. Более того, она поняла это первой. Как сказал Блаженный Августин, «...славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих. Ты услаждаешь нас

этим славословием, ибо Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе»²⁷.

²⁷ Блаженный Августин, «Исповедь», кн. I, гл. 1.

Глава 11

Погожий летний вечер катился к концу, воздух сделался прохладным, и я знал, что скоро пойдет дождь. Сначала на небе появятся тучи, потом сорвется ветер; резкий, насыщенный влагой, он зашумит листвой и согнет ветки деревьев, неся с собой заглушающий все другие ароматы запах дождя. Упадут первые легкие капли; затем капли покрупнее зашлепают по широким, с ладонь, листьям магнолий, и наконец на землю обрушатся прохладные дождевые потоки.

Мы с Эммой сидели на балконе моей спальни и смотрели в телескоп на Млечный Путь, пока его не успели затянуть грозовые тучи. На полу под треногой телескопа были разложены несколько незаконченных головоломок. Звезды очаровывали, манили меня, головоломки же я считал чем-то вроде хобби. Я мог собирать их по семь штук одновременно; Эмма в это время обычно рисовала или читала. Сегодня, прислушиваясь к птичьему гомону, она листала «Большие надежды» и делала наброски птиц, присаживавшихся на ближайшие ветки.

Все семь тысяч фрагментов от семи головоломок я ссыпал в одну коробку и как следует перемешал их, как мешают бочонки лото. Шаря в этой куче рукой, я неспеша начал выкладывать семь разных картинок. На то, чтобы собрать их все, могло уйти около двух недель, но я никуда не торопился, к

тому же сам процесс нравился мне куда больше, нежели результат. И одну-то большую головоломку сложить непросто, но, лишь добавив к ней еще шесть, вы получаете истинное удовольствие.

Возня с головоломками была для меня – как мне теперь представляется – одним из этапов подготовки к серьезной научной работе. Разглядывая замысловатой формы кусочки раскрашенного картона, я учился не торопиться с выводами, быть внимательным и просчитывать возможные варианты. Часто, вертя в руках тот или иной фрагмент, я размышлял: сюда он не подходит, сюда – тоже, тогда, быть может, туда?.. И так далее, и так далее... Головоломки научили меня смотреть на любую проблему с разных сторон и только потом двигаться дальше, потому что каждый кусочек, каким бы маленьким и незначительным он ни казался, имел огромное значение как неотъемлемая часть целого.

Глядя на разбросанные по полу фигурные фрагменты, я перебирал их, отыскивая нужную деталь, в то время как разум мой улетал далеко за пределы балкона, блуждая по поверхности луны, которая взошла рано и была полной и желтой, как масло, предвещающая хороший урожай.

Сразу после грозы, начавшейся и закончившейся несколькими довольно сильными порывами холодного ветра, я вновь услышал песню кардинала, но она показалась мне не такой, как обычно. На этот раз звук был глухой, тоскливый, я бы даже сказал – замогильный. Выглянув из окна, я увидел

самца кардинала: он слетел на перила балкона и сидел там, глядя на трепыхающееся на полу тельце подружки. Должно быть, порыв ветра сбросил ее туда, повредив или сильно помяв крыло, и теперь бедняжка не могла взлететь. У всех наших соседей были кошки – у некоторых даже несколько, бродячих кошек в округе тоже хватало, поэтому жить раненой самочке в любом случае оставалось недолго. Она, правда, пыталась взлететь, но все попытки только ухудшали положение.

Самец слетел с перил и приземлился рядом с подругой – *над* ней. Он продолжал петь, зовя ее во всю силу своих маленьких легких и тоненького горлышка, вибрировавшего от напряжения. Когда я появился из комнаты, самец снова вспорхнул на перила и глядел оттуда с подозрением и гневом – хохолок на его голове воинственно приподнялся, перья на шее встопорщились. Когда же я взял раненую птицу в ладони, кардинал издал горестный крик и, поднявшись в воздух, принялся кружить на расстоянии пары футов от моего лица, держась, впрочем, со стороны деревьев, а не со стороны дома.

– Не бойся, девочка, – прошептал я, наклоняясь к птичке. – Я только внесу тебя в дом, чтобы осмотреть как следует.

Самец опустился на ветку магнолии. В его голосе теперь явственно звучали беспокойство и страх. Я готов был вернуться в комнату, но на пороге остановился и обернулся.

– Не волнуйтесь, сэр, – сказал я, – я не съем вашу супругу

и вообще не причиню ей вреда. Если хотите, можете смотреть в окно, и вы убедитесь, что я хочу ей только добра.

В комнате я посадил раненую птаху на стол и придвинул поближе увеличительное стекло на штативе. С первого же взгляда мне стало ясно, в чем дело. Должно быть, сильным порывом ветра в кроне магнолии сломало несколько сухих мелких веток, и одна, вонзившись в птичье крыло, повредила несколько маховых перьев и расцарапала кожу, а в одном месте рассекла ее довольно-таки глубоко. Правда, на первый взгляд тонкие птичьи косточки были целы, но я готов был поспорить на свой новенький микроскоп: без перелома не обошлось.

Я извлек пинцетом застрявшие в перьях кусочки древесной коры, аккуратно сложил больное крыло и примотал пластырем к туловищу – плотно, но не слишком туго, чтобы раненая самочка не чувствовала себя пленницей. Потом снял со шкафа свою птичью клетку, посадил туда птицу и наполнил поилку свежей водой.

Все время, пока я занимался самочкой, ее красный, как пожарная машина, супруг сидел за окном на перилах и, зорко следя за моими манипуляциями, продолжал громко петь. Тогда я уже знал, что кардиналы остаются верны своему однажды выбранному партнеру, и не сомневался: самец никуда не улетит.

– Не беспокойтесь, сэр, – снова сказал я ему. – Она поправится. Я буду хорошо о ней заботиться.

Пожалуй, я в жизни не слышал звука более одинокого и тоскливого, чем песня самца кардинала, который зовет свою супругу, а та не откликается. Я был абсолютно уверен, что теперь он просидит на одном месте несколько дней и будет петь изо всех сил до тех пор, пока снова не воссоединится с возлюбленной.

– Он плачет, – шепнула мне Эмма.

– Ты думаешь? – спросил я.

– Я знаю, – ответила она твердо.

– Но откуда?.. Откуда ты знаешь?! По-моему, это вовсе не похоже на плач...

Эмма поглядела за окно. Она не собиралась ничего мне доказывать: с ее точки зрения, в доказательствах просто не было нужды.

– Это потому, что ты слушаешь ушами, а не сердцем, – сказала она наконец.

– Что обычно делают кардиналы, когда находят друг друга?

– Поют вместе.

Эмма опустилась на пол и села, скрестив ноги, так что наши колени соприкоснулись. Она прошептала:

– «Нет человека, который был бы как остров, сам по себе... – тут она коснулась кончиком пальца моего носа, – ... смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол. – Эмма дважды постучала пальцем по моей пе-

реносице. – Он звонит по Тебе»²⁸.

С тех пор я стал верить, что случайно услышанный крик кардинала, который раздаётся за окном твоей спальни или за дверью, – это голос многих, которые просят тебя за одного из своих.

* * *

Клетку я поставил на столик рядом с окном в моей комнате на втором этаже, чтобы самочка могла видеть супруга, а он мог видеть ее. Каждые несколько дней, стараясь не слишком повредить перья, я менял повязку, чтобы дать птице возможность слегка расправить раненое крыло. И все это время кардинал-самец не покидал своего поста на ветке за окном и пел, пел без остановки. Часто по вечерам я набирал съедобных семян, часть клал в клетку, а часть рассыпал по подоконнику, чтобы пара могла поесть вместе. Оба, по-моему, были этим очень довольны – во всяком случае, ни он, ни она не тратили время попусту и накидывались на угощение, как только я отходил подальше. После трапезы самец часто садился на клетку сверху, и самочка нежно трогала клювом его лапки. А бывало, он садился у клетки с той стороны, где была дверца для поддона с едой, и они чистили друг другу клювики сквозь решетку.

²⁸ Э. Хемингуэй «По ком звонит колокол» (пер. Н. Волжиной и Е. Калашиниковой).

Через три недели я решил снять повязку, но оставил самочку в клетке еще на сутки, чтобы понаблюдать за ней и убедиться, что крыло полностью зажило, к тому же птице нужно было хотя бы немного размять мышцы после долгой неподвижности. Наконец я развернул клетку к окну и, распахнув дверцу, сказал:

– Все в порядке, девочка. Теперь – лети!

Самочка выпорхнула и тут же опустилась на маленькую веточку рядом с самцом.

Эта птичья пара гнездилась напротив моего окна все годы, что я учился в средней и старшей школе, и каждый день они пели друг другу любовные песни. Иногда они подлетали совсем близко и усаживались на перила, и тогда Эмма говорила, что птицы поют для меня.

Глава 12

Я уже упоминал, что мой дом и участок находились напротив участка Чарли и что разделял их только узкий залив. Таким образом, из моих окон был хорошо виден его дом – и наоборот. Участки у нас практически одинаковые и расположены тоже почти одинаково; единственная разница заключалась в том, что со стороны Чарли берег был чуть выше, поэтому его гости – если бы он их приглашал – могли любоваться чуть более обширной панорамой озера.

Мой дом представлял собой скромный двухэтажный коттедж на четыре спальни с крышей из красной жести. Он был обшит кедровым гонтом, однако все внутренние перегородки, полы и потолки были сделаны исключительно из ядровой сосны. Земельный участок, на котором стояла заброшенная рыболовная база, мы с Эммой приобрели семь лет назад. Чарли случайно узнал, что на берегу продаются два подходящих участка, и мы решили, что нам было бы неплохо иметь собственный загородный дом, где я мог бы проводить выходные и отпуска, помогая наемной сиделке ухаживать за Эммой после очередной операции. Эмма мечтала, что когда-нибудь мы сможем жить здесь более или менее постоянно, учить наших детей плавать, управлять катером и кататься по озеру на водных лыжах. У нее были большие планы, и, будучи талантливой художницей, она частенько иллюстри-

ровала их во всех подробностях.

Чтобы воплотить эти планы в жизнь, нам были необходимы три вещи: дом, причал с эллингом и мастерская. Строиться мы начали чуть больше шести лет назад. Все работы я и Чарли выполнили практически вдвоем. Правда, дом был мой, но это не означало, что Чарли только грелся на солнышке и давал советы. Он, можно сказать, родился с дрелью и рубанком в руках; думаю, в прошлой жизни мой шурин был придворным плотником во дворце Ирода Великого. Пока я, взяв очередной отпуск, потел, пыхтел и дул на отбитые молотком пальцы, Чарли поглаживал торцы реек и брусьев, ощупывал швы и соединения, определяя, ладно ли подогнаны детали, крепко ли они держатся или все надо делать заново. Электропроводкой мы не занимались (я хорошо знал границы своих возможностей), но все, что имело отношение к водопроводу и канализации, к обтесыванию, опиловке, шлифовке, обточке и отделке, мы делали своими руками. Подозреваю, что среди моих предков тоже были плотники и сантехники: ничем иным я не могу объяснить наличие у меня необходимой сноровки.

Впрочем, сноровка – это, пожалуй, сильно сказано. Десятки раз Чарли заставлял меня переделывать то, что я исправлял уже дважды или трижды, поскольку ему не нравилось, как соединяются части, не нравился неровный стык, не нравился зазор между деталями. В конце концов я все-таки кое-чему научился, однако настоящим мастером так и не стал.

Мой участок спускался к воде под углом градусов в тридцать, поэтому сразу после покупки и оформления всех положенных документов на собственность мы наняли парня с фронтальным погрузчиком и попросили выровнять территорию бывшего рыбацкого лагеря, а потом и вывезти огромную гору земли и камней. Когда эта работа была закончена, мы получили сравнительно ровную площадку, которая возвышалась над уровнем воды футов на десять и врезалась в склон, где натыкалась на мощную скальную стенку вроде тех, какие можно видеть вдоль некоторых шоссе. Стенку мы взорвали, чтобы начать работы именно с этого места.

Когда после последнего взрыва мы разгребли щебень, то обнаружили в скале углубление с поворотом – достаточно большое, чтобы загнать туда мой пикап, и достаточно высокое, чтобы стоять в полный рост. Пол в углублении оказался сравнительно ровным и почти горизонтальным, поэтому мы выгребли мусор, повесили пару фонарей и построили вдоль стен деревянные нары. В самые жаркие летние месяцы мы частенько ночевали в этой «пещере»: ее каменные стены нагревались медленно, и воздух в ней долго оставался прохладным. Там было тихо и безопасно.

Подземная часть мастерской была, однако, маловата для наших целей, поэтому нам пришлось пристроить к скале просторную надземную часть. После этого нам оставалось только установить внутри печку-чугунку, чтобы не мерзнуть зимой. Ввели в мастерскую широкие сдвижные ворота, в ко-

которые могли въехать бок о бок сразу два автомобиля.

Подозреваю, что за какие-нибудь пять минут Чарли мог бы поведать об инструментах и строительстве куда больше, чем я когда-нибудь узнаю, но, как все хорошие учителя, он действовал терпеливо, методично и последовательно и никогда меня не торопил. Он даже поручил мне проработать окончательную отделку мастерской, когда основные строительные работы были закончены.

В конечном итоге мы обшили стены мастерской кедровыми панелями, а по потолку пустили массивную стальную балку с системой подвижных талей, с помощью которых можно было поднимать и перемещать тяжелые или громоздкие предметы: лодки, двигатели и прочее. Мы смонтировали на потолке четыре вентилятора и несколько утопленных светильников, сдвинули в угол печку-чугунку и провели провода, ведущие к десяти музыкальным колонкам системы кругового звука, часть которых выходила наружу.

Совершив рейды в «Хоум депо», «Ловз» и «Сирс», я позаботился о заполнении полок и стеллажей разного рода инструментами. Так, я купил две ленточных пилы, фуганок, три дисковых шлифовальных машинки, несколько рашпелей и напильников, деревянную киянку, тиски, мини-дрель, два лобзика, пресс-перфоратор, ручной электрический рубанок, два набора ручных инструментов, в которые входили отвертки, гаечные ключи, трещотки с разноразмерными головками и прочие необходимые мелочи, а также самый раз-

нообразный электроинструмент – как с питанием от сети, так и аккумуляторный. Для всего этого я приобрел четыре трехсекционных инструментальных шкафа на колесиках высотой футов в шесть каждый, так что, когда я добрался до кассы в магазине (мне помогли четверо сотрудников, тянувших и толкавших пять тяжело нагруженных тележек), у стоявших в очереди покупателей округлились глаза.

В инструменты Чарли просто влюбился. Они мне и самому нравились, и я потратил не меньше трех дней, чтобы разложить их самым рациональным образом. Мне удалось найти удобное место для каждого из предметов: теперь, чтобы взять нужный, достаточно было протянуть руку или в крайнем случае сделать шаг к ближайшему стеллажу или инструментальному шкафу. И когда началась настоящая работа, мы с Чарли почти не тратили время на поиски необходимых вещей.

Последним штрихом в оборудовании мастерской стали развешанные на укрепленных в стратегических местах крючках рулоны клейкой ленты. Она появилась в годы Первой мировой войны и поначалу применялась почти исключительно как перевязочное средство, однако за прошедшие сто лет человечество открыло еще несколько тысяч способов ее использования. И надо сказать, мы с Чарли чуть не каждый день придумывали, как еще можно употребить это замечательно изобретение.

Пока я заканчивал отделку мастерской, Чарли нанял бри-

гаду специалистов, чтобы те помогли ему построить вдоль берега каменную подпорную стенку и ступеньки, которые спускались бы к причалу от того места, где мы планировали поставить дом. Ориентируясь на угол старой рыболовной базы, я разметил кольшками площадку, потом заказал несколько бетономешалок и руководил парнями, которые заливали под будущий коттедж фундамент, а Чарли следил за каменщиками. По вечерам мы обменивались идеями и замечаниями.

Как-то Чарли сказал мне, что хороший дом строится вокруг печки, поэтому, когда через неделю его бригада закончила подпорную стену, по указанию Чарли она еще и сложила камин в небольшой комнатке рядом с кухней. Но остались булыжники, и бригадир каменщиков, посмотрев на них, предложил:

– А не хотите яму²⁹ для барбекю? Материала на нее хватит...

Чарли оценил идею.

– Да. Сделайте ее здесь, – и показал где.

Рабочие быстро расчистили квадрат двенадцать на двенадцать футов между домом и мастерской, выкопали траншею, залили в нее бетон и воздвигли на нем довольно большую каменную печь, в которой можно было зажарить целую сви-

²⁹ В США, особенно в южных штатах, так часто называют специальный мангал или уличную печь-барбекю, которая помимо мангала может включать коптильню, камин и плиту с казаном.

нью.

Мастерская была готова и служила нам прекрасным подспорьем в работе, поэтому я решил вплотную заняться причалом. Зимой, пока уровень воды в озере был минимальным, мы установили двадцать четыре сваи, а сверху настелили толстые – два на шесть дюймов – доски. В то время у нас еще не было лодки, однако это ничего не значило. Наши планы простирались далеко в будущее, поэтому мы решили построить на причале трехместный двухэтажный элинг, в который можно было бы заходить на лодке или на катере непосредственно водным путем. Элинг мы снабдили гаражными воротами, которые поднимались и опускались по сигналу пульта дистанционного управления, а также электрическими подъемниками для лодок. Вдоль одной стены мы построили что-то вроде подиума, который был на три фута выше максимального летнего уровня воды, и поставили там шесть кресел-качалок. Второй этаж мы сделали полностью открытым – от непогоды его защищала только легкая алюминиевая крыша зеленого цвета, а по периметру установили легкое ограждение. Посередине мы поставили большой стол для пикника, а рядом повесили на столбах гамак для Эммы.

Со второго этажа открывался едва ли не самый красивый вид на южную часть озера. Оттуда было видно миль на пять, да и то лишь потому, что дальше оно изгибалось на юго-восток, где находилась плотина.

Строительство мастерской и элинга внушило нам (мне

в первую очередь) уверенность в собственных силах, поэтому к дому мы приступали почти без страха, хотя, если честно, эта работа была, конечно, более сложной. Как бы то ни было, фундамент уже застыл, готовый камин одиноко стоял посреди бетонного основания, и мы засели за сделанные Эммой наброски и планы. По ее задумке старая рыболовная база, в которой и было-то всего две комнаты, должна была превратиться в элегантный двухэтажный коттедж на берегу. Крыльцо и кухню решено было оставить, но все остальное предстояло возвести с нуля.

Чарли оказался любителем строить, что называется, с запасом, поэтому, когда мы начали возводить каркас, он ставил стойки рамы всего в десяти дюймах друг от друга. На мой взгляд, стойки можно было делать и не так часто, но, с другой стороны, почему бы нет, ведь эту работу нам предстояло выполнить только один раз. Главное, Чарли был счастлив, да и я, по совести говоря, тоже был рад: нарисованный Эммой дом начинал понемногу становиться реальностью, и мы были исполнены решимости сделать его именно таким, каким она его себе представляла, включая мельчайшие детали отделки и цвета.

Когда каркас был готов, мы залезли туда, и Чарли напомнил мне, что говорила Эмма, когда, стоя на голой земле посреди только что расчищенной площадки, пыталась словами и жестами объяснить нам, каким она видит наше будущее жилище.

«Я хочу, – сказала она тогда, – чтобы казалось, будто в каждой комнате стоит по зажженной свече. Я хочу... чтобы и стены, и полы отливали живым золотом. Вот таким...» – И она показала на старые половицы кухни.

– Ну и где мы возьмем этот золотой отлив? – спросил я сейчас.

– Нам нужна сосна, – сказал Чарли и тоже показал на пол кухни. – Старая, выдержанная сосна, лучше всего – ядро сосны. К сожалению, теперь ни на одном лесоскладе такую не найдешь, а если найдешь, качество будет не то. Деревья, из которых делали такие доски, как эти, – он снова показал на старые половицы, – росли лет двести назад. Сейчас таких нет, а значит...

Это значило, что нам придется искать. Почти три месяца мы колесили по дорогам, забираясь все дальше в глушь. Завидев какую-нибудь одинокую старую ферму, мы очень вежливо спрашивали у недоверчивых, подозрительных хозяев, не будут ли они возражать, если мы разберем их старый, покосившийся амбар, сарай или конюшню, а бревна и доски вывезем? Большинство кивали, потом закрывали двери на засов и на всякий случай снимали со стены ружье, а мы ставили на первой же подходящей поляне палатку и в течение двух-трех дней выдергивали старинные гвозди и перебирали доски, попутно изучая приемы мастеров, живших почти за сто лет до нас.

Когда материала накопилось порядочно, я купил с шериф-

ских торгов небольшой заброшенный склад в окрестностях Клейтона. До него было всего несколько миль, поэтому мы с Чарли сразу же отправились туда, вырубали кусты и лианы, подмели полы и начали складывать туда наши доски – на специальные поддоны, чтобы уберечь от сырости. Месяцев через шесть-восемь мы набрали достаточно материала, чтобы отделать не только мой коттедж, но и еще пару таких же домов. Половицы, стены, потолки, элементы отделки и даже посудный шкафчик на кухне – все это мы сделали из дерева, которое нам удалось спасти при разборке старых амбаров и конюшен, затерявшихся среди пекановых и дубовых рощ по всей Джорджии. Для тех, кто интересуется старым, выдержанным деревом, которое можно использовать для строительства, это настоящая золотая жила. Добыть его легко – нужно только вырубать кудзу и лианы, отгрести сосновые иглы и желуди да слегка обстругать доски в тех местах, где они подгнили. Конечно, дело это не быстрое, к тому же, когда разбираешь старые постройки, всегда есть шанс наткнуться на змею, но так уж устроена жизнь: тот, кто охотится за сокровищем, никогда не знает, что его ждет – ядовитый укус или отливающая золотом старая древесина.

Коротко говоря, спустя несколько месяцев, в течение которых я столько раз попадал себе по пальцам, что даже начал относиться к этому как к неизбежному злу, я вручил Чарли пневматический молоток, и он загнал последние гвозди в облицовку потолка. Мы отключили компрессор, повесили

на место наши инструментальные пояса, вывели из комнат опилки и стружку, выпили по банке пива и вышли полюбоваться делом рук своих. Чарли обошел дом кругом, ведя кончиками пальцев по стене, словно человек, ошупью ищущий путь в лабиринте. Мне показалось, он принюхивается, будто пытаясь определить какие-то скрытые дефекты по запаху. Закончив обход, Чарли только кивнул; он ничего не сказал, но это означало, что работой он доволен.

И вот за несколько дней до Пасхи я вошел в наш пока еще пустой дом, расстелил на полу спальный мешок и лег. Бросив взгляд за окно, я впервые заметил, что дом окружен раскидистыми кизиловыми деревьями. На следующий день они зацвели. Я открыл окно в нашей спальне на втором этаже, высунулся и затряс головой от изумления и восторга. Мне казалось, Эмма предвидела это с самого начала.

Глава 13

Настал день, когда Эмма вступила в пору созревания. Ей тогда было одиннадцать, мне – двенадцать, а Чарли – всего восемь, что, на мой взгляд, может отчасти объяснить его бурную реакцию. Мы как раз купались в ручье за домом О’Конноров, где глубина была всего фута два или около того. Эмма плавала кругами, как тюлень, и беззаботно смеялась, когда вода вокруг нее вдруг стала менять цвет. Думаю, мне не нужно подробно описывать, как это выглядело. Удивленная и напуганная, Эмма встала на ноги. Нам с Чарли тут же стало ясно, что у нее идет кровь, и ее было не одна-две капельки, как бывает, когда порежешь палец, а довольно много.

Чарли выскочил из ручья как ошпаренный и бросился к дому, крича на ходу: «Мама! Мама! Эмма умирает!!!» Полагаю, что, учитывая все обстоятельства, это был не самый лучший выбор слов. Сам я, впрочем, тоже не совсем понимал, что происходит, однако мне почему-то казалось, что Эмма не собирается умирать. Выглядела она, во всяком случае, вполне живой. Удивилась Эмма, пожалуй, не меньше нашего, однако я не видел никаких признаков того, что она теряет сознание или испытывает боль.

Чарли исчез в доме, и я помог Эмме выйти на берег, стараясь, впрочем, не опускать взгляд. Конечно, она была напугана, и я подумал, что, если я буду пялиться на ее ноги,

это никак ей не поможет. На берегу я отвернулся, Эмма сняла купальный костюм и завернулась в мое полотенце. Я взял ее за руку и некоторое время мы просто стояли на берегу, не зная, что делать дальше. Я предложил было Эмме сесть, но она отказалась, так как боялась испачкать полотенце, и я снова подумал, что на самом деле ей совсем не так уж и плохо, как показалось мне вначале.

– С тобой все в порядке? – спросил я на всякий случай.

Она кивнула и попыталась улыбнуться.

– Точно?

Эмма снова кивнула и сильнее сжала мою руку. Мне показалось, она замерзла, но сказать я ничего не успел: из дома примчалась бледная мисс Надин, которую вопли Чарли напугали чуть не до полусмерти. Но когда она увидела купальник и ноги Эммы, а главное – убедилась, что мы просто стоим на берегу и не собираемся умирать, то сразу все поняла. Перейдя на шаг, мисс Надин несколько раз глубоко вздохнула, потом обняла дочь за плечи и улыбнулась:

– Не волнуйся, милая, с тобой все будет хорошо.

– Но мама, – возразила Эмма, – я и так хорошо себя чувствую, и у меня ничего не болит!

– Я знаю, милая. Это... это... в общем, так должно быть.

Она обняла Эмму за плечи и отвела в дом, но скоро вернулась. На плече у нее висело полотенце для рук. Усевшись на скамью перед крыльцом, мисс Надин подозвала меня и Чарли. Усадив нас по обе стороны от себя, она положила ла-

дони нам на колени и сказала.

– Я должна вам кое-что объяснить... – начала она.

Я посмотрел на Чарли. Он все еще дрожал, шмыгал носом и выглядел встревоженным.

– Насчет Эммы... С ней все в порядке, но она... – Мисс Надин запнулась, подбирая слова. – Она становится взрослой.

Тем же вечером я зарылся в свои книги и несколько часов подряд читал все, что мне удалось найти в них о женщинах – о том, как они устроены и чем отличаются от мужчин. То, что я узнал, поначалу меня возбудило, как и всякого нормального подростка. Правда, Эмма была мало похожа на те картинки, которые я обнаружил в книгах, но я понимал, чтобы вылечить ее, чтобы дать ей шанс, я должен как можно подробнее узнать все об особенностях женского организма. И я действительно многое выяснил. Я читал, читал и в конце концов наткнулся на абзац, где упоминалось лекарство, которое принимала Эмма. Как было сказано, оно имеет такой весьма распространенный побочный эффект для девочек, как раннее наступление менструаций.

И это было не последнее мое открытие.

Глава 14

За последние месяцы Чарли узнал, для чего нужны гвозди и молоток, и научился неплохо с ними управляться. На заднем дворе О'Конноров рос огромный раскидистый дуб, среди его-то могучих ветвей Чарли и начал строить дом из обрезков досок, брусьев, фанеры и других материалов, которые он выискивал в строительных мусорных контейнерах и на соседских свалках. Это увлечение захватило его полностью, так что каждый день, едва вернувшись из школы, Чарли первым делом бросался переделывать и усовершенствовать свою воздушную крепость а-ля Швейцарский Робинзон. Вскоре дом на дубе уже имел три этажа в высоту (не считая «вороньего гнезда» на крыше) и мог похвастаться несколькими лестницами и шестами, по которым можно было забираться на самую верхотуру или соскальзывать на землю. Кроме того, Чарли – ему помогал отец – поставил в доме настоящие открывающиеся окна, установил на потолках пару потолочных вентиляторов и даже провел туда свет и воду.

Для Чарли дом стал чем-то вроде маленького мира. Он постоянно что-то в нем менял, улучшал, и это продолжалось и продолжалось до бесконечности. Я думаю, Чарли и в голову не приходило, что когда-нибудь его работа может быть закончена – в том, что касалось воздушного дома, слова «до-

статочно» для него не существовало.

* * *

Когда Эмма пропустила вторую неделю школьных занятий, я встревожился. Как-то после уроков я зашел к О'Коннора, чтобы проведать ее и Чарли, но наткнулся на доктора Хейза и его медсестру мисс Лу, которые о чем-то шептались в кухне с Эммиными родителями. Когда они закончили, мисс Лу отвела Чарли в другую комнату, а мисс Надин позвонила по телефону моей матери. Они тоже поговорили о чем-то вполголоса, потом мама Эммы сказала «спасибо» и повесила трубку.

Через пару минут медсестра позвала меня в заднюю комнату, где я обнаружил Чарли. Он с растерянным видом прижимал к кончику пальца кусочек марли. Не успел я спросить, в чем дело, как мисс Лу сказала, что хочет взять у меня кровь на анализ, чтобы определить ее группу.

– Первая, резус отрицательный, – сказал я.

Мисс Лу удивленно посмотрела на меня.

– Ты точно знаешь?

– Ага, – подтвердил я, потом подумал и протянул ей палец. – Можете убедиться, если хотите.

Она кивнула и осторожно кольнула меня в палец.

Кровь на самом деле потрясающая штука. Это жидкое чудо, других слов я не подберу. Она – живой организм, такой

же, как сам человек. Кровь содержит живые клетки, и если ее извлечь из контейнеров, в которых она постоянно находится (то есть из нас), она умрет. В среднем человеке течет около пяти литров крови. Существует четыре типа или группы крови, но только одна из них – нулевая или первая – может в случае необходимости быть перелита любому человеку на Земле. Именно поэтому люди с нулевой группой крови называются универсальными донорами. А вот люди с резус-положительной четвертой группой называются универсальными реципиентами. Это означает, что им может быть перелита кровь любой другой группы. Как вскоре выяснилось, у Эммы как раз и была четвертая резус-положительная группа, что было и хорошо, и вместе с тем плохо. Хорошо для Эммы и не очень – для Чарли и для меня.

До этого я никогда не сдавал кровь, но примерно знал, как это бывает, поэтому я вытянулся в кресле и положил руку на подлокотник ладонью вверх. Мисс Лу тут же перетянула мне бицепс резиновым жгутом и смазала сгиб руки смоченной в спирте ваткой. Эти зловещие приготовления еще больше напугали Чарли, который не понимал, что происходит; его затрясло еще сильнее, а при виде сверкающих игл, трубок и шприцов он и вовсе сбежал, укрывшись в своей крепости на ветвях дуба.

Мисс Надин удалось уговорить его спуститься и вернуться в дом. Усадив нас на кухне, она попыталась объяснить, в чем дело. По-видимому, обильная кровопотеря во время месяч-

ных усугубила болезнь Эммы: ее организм ослаб и сделался более восприимчив к разного рода инфекциям. Состояние Эммы ухудшалось, она никак не могла оправиться от простуды, и врачи решили попытаться восполнить ее запас крови из внешних источников. Переливание, которое следовало делать каждые два месяца или около того, должно было, по их задумке, помочь организму быстрее справиться с инфекцией без дополнительной нагрузки. В общем, что-то вроде допинга крови³⁰, только вместо того, чтобы позволить тренированному спортсмену показать сверхвысокие результаты, эти переливания должны были просто вернуть Эмму в нормальное состояние.

Врачи не ошиблись. Переливания помогли Эмме; они подействовали на нее почти как трехнедельный курс кофеина, но это была лишь временная мера, и они это хорошо знали.

И только Чарли никак не мог взять в толк, зачем это нужно. В молотках, строительных материалах и воздушных домиках он разбирался куда лучше, чем в том, как устроены люди. Мисс Надин как раз пыталась в очередной раз объяснить ему, в чем дело, когда в кухню вошел доктор Хейз. Опустившись на колени рядом с Чарли, он сказал:

– Послушай-ка меня, сынок. Твоя сестра серьезно больна, и твоя кровь может ей помочь. Быть может, она и не выздоровеет, но ей будет легче. А сейчас Эмме твоя кровь особен-

³⁰ Переливание крови спортсмену перед соревнованиями для лучшего насыщения ее кислородом; вводится взятая ранее собственная или донорская кровь.

но нужна. Вот смотри... – Он дружески потрепал Чарли по плечу, взял его руку в свою и ткнул пальцем в голубоватую вену. – В твоей крови есть так называемые красные кровяные тельца. Они как крошечные грузовики развозят по твоему телу все, что ему необходимо. Красные кровяные тельца никогда не останавливаются, они постоянно движутся как... как гоночные машинки по игрушечной трассе. У тебя ведь есть такие?..

Чарли улыбнулся и кивнул.

– Если кто-то теряет много крови или если у него слабое сердце, которое не может заправить эти грузовички кислородом, чтобы они могли ездить по своим маршрутам, как предполагается, тогда человек заболевает анемией. Как твоя сестра. И должен сказать честно: ее положение довольно серьезное. – Врач посмотрел Чарли в глаза. – Ты поделишься с Эммой своими грузовичками?

Чарли бросил быстрый взгляд в сторону лестницы на второй этаж, и я догадался, что сейчас он представил себе, как Эмма – бледная и слишком слабая, чтобы взобраться в его воздушную крепость и оценить последние сделанные им усовершенствования, – лежит на кровати в своей комнате наверху.

– Эмме нужно больше красных грузовиков? – уточнил он, и доктор Хейз кивнул.

Чарли посмотрел на мать, и она тоже кивнула, не замечая слез, которые собирались в глубоких впадинах у нее под гла-

зами – черных, как колодцы, из-за потекшей туши, отчего мисс Надин немного смахивала на енота.

Чарли уже закатывал рукав.

– А можно я отдам ей все свои грузовички? – спросил он.

Три дня спустя я зашел к О’Коннорам. Мисс Надин снова плакала.

Глава 15

Когда ближе к вечеру я осторожно приоткрыл дверь больничной палаты и переступил ее порог, Энни спала. Сквозь единственное окно виднелось пестревшее одуванчиками и коровьими «лепешками» пастбище, по которому, сбегая с холмов, протекал небольшой ручей. Все коровы собрались возле решетчатой кормушки с сеном, и только старый бык, словно часовой, стоял в воде прямо посреди ручья.

Синди, одетая в ту же одежду, что и вчера, сидела на стуле рядом с девочкой; ее ноги покоились на краю кровати, голова свесилась набок, на груди лежала раскрытая книга в пластиковой обложке, на переплете которой стоял библиотечный штамп, а называлась она «Как заработать большие деньги в малом бизнесе». На полу под стулом валялось еще пять или шесть книг и брошюр, обернутых в пластиковую пленку, как это делают в публичных библиотеках. Насколько я мог разобрать, все они имели отношение к рациональному управлению финансами или к получению кредитов. На тумбочке в изголовье кровати лежала красная папка, на обложке которой женским почерком было написано: «Бертонский банк, заявки на получение кредита».

В воздухе витал свежий лимонный запах лосьона после бритья – насколько я знал, таким пользовался Сэл Коэн. Похоже, он только что здесь побывал. Мою догадку подтвер-

ждали две мятные карамельки, лежавшие возле телефона. Я посадил на кровать Энни большую плюшевую лягушку и, повернувшись, на цыпочках направился было к двери, но девочка позади меня пошевелилась, и я услышал:

– Эй, Ш-ш-шескпир...

Энни прошептала это слово медленно и не слишком внятно: наверное, успокоительное еще действовало, и язык не очень хорошо ее слушался.

Хотя голосок девочки звучал совсем тихо, Синди тотчас проснулась и, выпрямившись на стуле и быстрым движением утерев с подбородка ниточку слюны, попыталась ногой подпихнуть под кровать валявшиеся на полу книги.

Вернувшись к кровати, я дружелюбно потрепал девочку по колену.

– Когда ты познакомишься с ним так же близко, как я, ты сможешь звать его просто Билл. Билл Шекспир.

Энни с трудом ворочала глазами, да и взгляд у нее был апатичный и чуть бессмысленный. Несомненно, ее врачи, и здесь, и в Атланте, прекрасно знали, какая она чувствительная, возбудимая натура, и постарались сделать все, чтобы она поменьше волновалась и как следует отдохнула. Кажется, в последние два дня ее держали на успокоительных. Сам я не стал бы этого делать.

Я посадил похожую на волейбольный мяч лягушку поближе к Энни и достал из кармана небольшую коробочку, которую упаковала для меня продавщица в скобяной лавке «Ро-

увер». Я протянул ее Энни, и она, рассеянно улыбнувшись, здоровой рукой развязала ленточку и приоткрыла крышку. В коробочке лежал большой латунный колокольчик, похожий на те, какие вешают на шею коровам.

– Я подумал, эта штука может тебе пригодиться, – сказал я. – Когда ты снова сможешь торговать лимонадом, будешь в него звонить и привлекать внимание прохожих.

Энни несколько раз встряхнула колокольчик и сонно моргнула.

– Мне кажется, я и так уже... привлекла внимание. – Она взглянула на меня. – А расскажи мне еще какие-нибудь стишки.

Изображая задумчивость, я почесал подбородок и посмотрел в окно. Сев к ней на кровать, я взял в руки колокольчик и продекламировал нараспев:

Где сокрыт очаг любви —
В мыслях он или в крови?
Что дает ему гореть?
Ответь, ответь!
Он у нас в глазах сокрыт,
Каждый взор любовь растит,
Но и смертью ей грозит.
Пусть раздастся скорбный звон!
Начинаю: динь-динь-дон!..³¹

³¹ Перевод О. Манделъштама.

Пока я говорил, Синди села еще прямее и уставилась на меня с новым любопытством в глазах.

– Это тоже Гх-гамлет? – спросила Энни, изо всех сил стараясь выговорить звук «г» правильно.

– Нет, эта песенка из другой истории. Она называется «Венецианский купец».

Энни закрыла глаза и на несколько минут замолчала, погрузившись в волшебную, цветную реальность, навеянную сильнодействующими седативными препаратами. Синди внимательно прислушивалась к дыханию девочки, и лицо у нее было тревожным.

– Это действует лекарство, – успокоил я, глядя на установленные над кроватью Энни приборы, контролирующие ее состояние. – Пульс в норме, давление даже выше, чем я ожидал, насыщение крови кислородом тоже выглядит неплохо, учитывая все обстоятельства. – Я снова потрепал Энни по ноге. – Она сильная девочка.

Синди кивнула, но продолжала разглядывать меня пристально и внимательно. Я видел в ее глазах зарождающийся вопрос. Еще немного, и моей маскировке конец.

К счастью, в этот момент Энни пришла в себя. Ее расфокусированный взгляд дважды обежал палату и остановился на мне.

– Врач сказал, через несколько дней меня выпишут.

– Да, я слышал. Это хорошо. Ты, наверное, соскучилась по своей кровати?

– Еще бы! – Неуверенным жестом она обвела комнату. – Ты видел, сколько мне надарили плюшевых мишек?

Энни обратилась ко мне на «ты», и я это отметил. Девочка прониклась ко мне доверием, и это было хорошо. Посмотрев в дальний угол палаты, я увидел букеты цветов, болтавшиеся на веревочках воздушные шары с надписью «Поправляйся скорее!» и полтора десятка мягких игрушек, в основном медвежат самых разных размеров.

– Видел. – Я кивнул.

– Мы с Энни хотим пригласить тебя на ужин, – вмешалась Синди. – Если ты не против, конечно...

– Я не против. – Я улыбнулся.

– Это, конечно, самое малое, что мы можем сделать, – добавила Синди извиняющимся тоном и повернулась к девочке, которая медленно кивнула в знак согласия. – Впрочем, Энни неплохо готовит. Она говорила мне, что хотела бы испечь для тебя пирог с персиками.

Энни снова кивнула.

– Это правда, – проговорила она с закрытыми глазами. – Я умею – Сисси меня научила. Только... – Она с трудом подняла вверх руку в лубке. – Только мне будет трудно раскатывать коржи.

Голос ее звучал так, словно она только что вышла из зубного кабинета, где ей запломбировали минимум четыре дырки – под местной анестезией, естественно. Меня, впрочем, беспокоило не это. Прошло довольно много времени с тех

пор, как я в последний раз принял приглашение на ужин. И еще больше времени прошло с тех пор, как я принял подобное приглашение от женщины.

– Ладно... – Я кивнул. – Я приду, но при одном условии: вы должны позволить мне раскатывать коржи.

– Ты умеешь готовить? – удивилась Энни. При этом ее голова неожиданно наклонилась в сторону, словно готова была соскочить с шеи и закатиться под кровать.

– Нет, но я научусь.

– Местные говорят, ты построил шикарную моторную лодку, – сказала Синди. – Это правда?

– Я не строю лодки, только чиню или реставрирую. Так сказать, улучшаю чужие конструкции.

– Ну, как мне сказали, у тебя неплохо получается – что с лодками, что с домами. Правда, мне и самой показалось, что ты строитель. Ну или что-то вроде того...

– Да, что-то вроде того, – уклончиво ответил я, радуясь про себя, что Синди сама прилепила мне ярлык строителя. – Что касается лодок, то это довольно легко... Достаточно просто один раз усвоить, что и как нужно делать, и все. Хороший учитель, подходящие инструменты и немного терпения – больше ничего и не требуется.

– Ты говоришь так, будто лодки чинить может каждый, – задумчиво проговорила Синди. – Но я в этом сомневаюсь. Сама-то я не могу лампочку заменить, приходится звать на помощь Энни.

– Иногда хорошая команда – залог успеха, – отшутился я.

Синди ненадолго замолчала. Выпрямив спину, она принялась стягивать свой «конский хвост» еще одной резинкой, но я заметил, что любопытство в ее взгляде сменилось агрессивной напористостью и желанием во что бы то ни стало докопаться до истины. Наш разговор в коридоре у автомата с кока-колой не дал ей никакой полезной информации и только породил у нее новые вопросы.

– Сдается мне, ты знаешь, о чем говоришь, – закинула она удочку.

Глаза у Энни закрывались сами собой, и я воспользовался этим, чтобы уйти от прямого ответа.

– Спи, – сказал я девочке. – Чем больше ты будешь спать, тем скорее поправишься. Думаю, уже на следующей неделе тебя выпишут, и я приду к тебе в гости.

Полубессознательным жестом Энни подняла здоровую руку и стиснула в кулачке маленький золотой сандалик, который снова висел у нее на шее – чуть выше розового шрама на груди. Большим пальцем она нежно погладила подошву сандалика, ее глаза окончательно закрылись, и она погрузилась в глубокий сон.

На лице Синди тем временем появилось слегка смущенное выражение; собственная настойчивость, похоже, смутила ее самое. Она проводила меня до дверей и, теребя прядь волос, сказала:

– Спасибо за лягушку. Мне кажется, Энни она понравилась.

лась.

Я только отмахнулся, дескать, не стоит благодарности.

Синди протянула мне мой кардиомонитор.

– Врач Энни сказал, что благодаря твоему прибору он действительно получил немало полезной информации и что ты поступил совершенно правильно, надев его на Энни. Еще он сказал, что показания прибора помогли ему уточнить, как ведет себя ее сердце в стрессовых ситуациях, и... и что теперь он знает, сколько времени осталось у нас на поиски донорского сердца.

Один вид Энни, подключенной к десяткам сложнейших аппаратов, которые попискивали, перемигивались лампочками и экранами и за которыми неотлучно следили две или три медицинские сестры на специальном посту в конце коридора, вызвал во мне шквал воспоминаний, не все из которых были неприятными. Острый запах антисептического мыла, пониженная – хоть мясо храни – температура в палатах, то, как прозрачный скотч обвивал руку Энни, удерживая трубку капельницы и введенную в вену иглу, постоянный контроль за всеми функциями организма – все это было мне хорошо знакомо и привычно. Должно быть, поэтому, когда я заговорил, мои слова шли из самого сердца – из того таинственного органа, который не ведает осторожности и не прислушивается к здравому смыслу.

– Скажи, Энни нравится бывать на воде?

– Бывать на воде? – удивленно переспросила Синди. По-

видимому, она не совсем поняла вопрос. – Ты имеешь в виду... озеро?.. Да, время от времени мы ходим купаться, к тому же озеро видно из окна ее спальни. А что?

– Что ты скажешь, если на будущей неделе я приглашу вас прокатиться по озеру? – неожиданно предложил я. – Как раз на днях мы с Чарли – это мой друг, мы вместе работаем – должны закончить ремонт очень красивого катера, но, прежде чем возвращать его клиенту, катер нужно опробовать.

Синди с улыбкой обернулась на спящую Энни.

– Я думаю, она будет рада, так что, если доктор разрешит... Ведь даже после того как ее выпишут, ей еще долго придется избегать нагрузок. – Она в задумчивости прикусила заусенец на пальце и добавила: – Давай поговорим об этом потом, так сказать ближе к делу, о'кей? Я сама тебе перезвоню, если можно... – Нервным движением Синди убрала за ухо упрямую прядь. – Видишь ли, нам бывает нелегко куда-то выбраться: машины у меня нет, так что любая поездка для нас – большая проблема.

Это признание было ей явно неприятно, и я постарался как-то ее подбодрить.

– Любую проблему можно преодолеть, – заметил я самым оптимистичным тоном.

– Любую, если только ее причина не имеет отношения к слишком высокой стоимости медицинских услуг, – заметила Синди еще более мрачным тоном.

«У сердца есть резоны, о которых не знает разум»³². Я шагнул в коридор, чувствуя себя все более неловко по мере того, как доводы здравого смысла просачивались из головы в сердце.

– Не беспокойся, я за вами заеду. – К двери был прилеплен скотчем купон на пиццу. Я нацарапал на его обратной стороне номер своего мобильного и протянул Синди. – Вот номер моего телефона. Сегодня пятница... Позвони мне во вторник утром, после того как проконсультируешься с ее доктором, и скажи, сможет Энни поехать или нет. Договорились?

Синди кивнула и, отступив в палату, закрыла за мной дверь. Я повернулся, чтобы идти к выходу, и тут увидел на стене напротив палаты Энни прозрачный пластиковый ящик, а в нем – ее медицинскую карту. Не раздумывая, я вытащил карту и стал быстро просматривать.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, сэр?.. – Проходившая мимо сиделка выхватила карту у меня из рук.

Я посмотрел на нее. Начес в стиле «вшивый домик» высотой в фут, брови выщипаны чуть не до последнего волоска... Всем своим видом эта женщина как бы говорила: «Не советую со мной связываться!»

Я решил не рисковать.

– Нет, мэм, благодарю вас. Я... искал, гм-м...

– Что именно? – Сиделка воинственно напряглась.

³² Высказывание принадлежит французскому литератору, физику и философу Блезу Паскалю.

– Купон на пищу, – ответил я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали максимально глупо и неуместно.

Не отрывая взгляда от моего лица, сестра засунула два пальца в нагрудный карман разноцветного форменного халата и протянула мне... купон на две больших пиццы.

– Что-нибудь еще, сэр?

Она, наверное, была превосходной сиделкой. Я качнул головой и помахал в воздухе купоном:

– Нет. Благодарю вас.

Сиделка провожала меня взглядом до тех пор, пока я не покинул этаж.

Отперев «Субурбан», я некоторое время сидел неподвижно, ожидая, пока прогреется двигатель. Была пятница, вечер, а это значило, что пора ехать в «Колодец». И я уже почти чувствовал во рту вкус «Трансплантата»...

Глава 16

Доктору Хейзу, по-видимому, и впрямь очень хотелось за­получить мою и Чарли кровь, и это обстоятельство застави­ло меня отправиться в библиотеку, чтобы отыскать там все книги, где говорилось об устройстве человеческого сердца. Если врачам так нужна наша кровь, рассуждал я, значит, с ней непременно должен быть связан какой-то секрет. С тех пор каждый раз как мне попадалась книга, в которой хотя бы упоминалось о строении сердца или особенностях крови, я прочитывал ее всю. В ту пору я перечитал довольно много весьма специфической литературы, но ответов на свои во­просы так и не нашел. Во всяком случае, не на все.

Однажды, когда я сидел в читальном зале в окружении почти десятка медицинских книг и справочников, наша биб­лиотекарша мисс Суэйбек легонько похлопала меня по пле­чу и сказала:

– Вы действительно собираетесь прочесть все эти книги, молодой человек?

– Да, мэм, – ответил я, стараясь не поднимать головы, по­скольку мое лицо было покрыто безобразного вида прыща­ми.

– Могу я поинтересоваться, зачем это вам понадобилось?

– Я... я изучаю сердце.

Мисс Суэйбек с сомнением покачала головой:

– Я не вчера родилась, молодой человек... – И она улыбнулась всезнающей улыбкой взрослого, который полагает, что видит тебя насквозь. – Так зачем вам понадобились эти книги? – спросила она все с той же улыбкой.

– Я хочу вылечить Эмму... ну, когда вырасту. Я должен знать, как зашить дыру у нее в сердце.

– Ну, конечно... – Библиотекарша усмехнулась. – Так я и поверила!.. В общем, так, молодой человек, не надо вешать мне лапшу на уши: я отлично знаю, зачем вам понадобились эти книги. Когда прочитаете все, поставьте туда, откуда взяли. Я не собираюсь заново расставлять по полкам два десятка томов только лишь потому, что кому-то захотелось взглянуть на кое-какие картинки.

Я не совсем понял, что она имеет в виду, но сказал как можно более вежливо:

– Хорошо, мэм.

А неделю спустя – когда я прочел все эти книги и вернул их на место, и когда мисс Суэйбек убедилась, что со мной у нее не будет проблем, – библиотекарша стала помогать мне разыскивать необходимую литературу и даже заказывала кое-какие справочники по межбиблиотечному абонементу аж из Флориды.

Мисс Суэйбек, впрочем, была не единственным человеком, кому мое увлечение казалось странным. Мои родители были абсолютно убеждены, что я спятил, но, когда мои школьные отметки по естественно-научным дисциплинам

изменились с «посредственно с минусом» на «хорошо с плюсом», отец и мать перестали донимать меня вопросами и договорились, чтобы мисс Суэйбек отвозила меня домой, если я задерживался в библиотеке допоздна.

Люди восхищаются гением Моцарта, который – как считается – написал музыку к колыбельной «Ты сияй, звезда ночная», когда ему было три года, а свою первую симфонию сочинил в двенадцать. Да, разумеется, он был гением, но, если взглянуть на это под иным углом зрения, получится, что Моцарт просто очень рано понял, для чего он был рожден. Вот, собственно, и все. По какой-то неведомой нам причине ему было отпущено больше музыкальных способностей, что сделало его немного *другим*, и Моцарт догадался об этом и поэтому еще на старте получил солидный гандикап. Разумеется, он был блестящим композитором, но суть не в этом. Суть в том, что Моцарт узнал об этом и начал сочинять музыку. Результат, как говорится, всем известен.

Я, конечно, не Моцарт, и мне предстояло очень много работать, чтобы чего-то добиться, однако я никогда не сомневался, для чего я появился на свет. Лишь много времени спустя я стал спрашивать себя, не ошибся ли я...

Но тогда мне достаточно было одной мысли об Эмме, о ее больном сердце, которое из последних сил разгоняет кровь по ее анемичному, бледному телу, чтобы вставать ни свет ни заря и ложиться, когда все мои сверстники давно спали. Довольно скоро я обнаружил, что мои самостоятельные заня-

тия в библиотеке и в других местах занимают намного больше времени, чем уроки в школе, но меня это устраивало. С жадностью выискивая и запоминая любую информацию, которая имела бы отношение к сердечной деятельности и системе кровообращения, я довольно скоро смог нарисовать себе весьма подробную картину того, что ежеминутно и ежесекундно происходит в человеческом организме. Сначала густая, синевато-черная, бедная кислородом венозная кровь поступает в сердце, которое, сокращаясь, направляет ее к легким, где происходит газообмен: кровь выделяет накопленный углекислый газ и обогащается кислородом, превращаясь из темной в ярко-алую, пузырящуюся жидкость. Из легких эта кровь возвращается в сердце, которое вновь сокращается, направляя ее ко всем органам тела, для которых содержащийся в крови кислород является главным и единственным горючим, без которого они не могут существовать.

И все это происходит не один раз, а больше ста тысяч раз в сутки! Это настолько меня поразило, что я размышлял над этим не один день и в конце концов все же сумел понять суть процесса. Не его физическую анатомию, а именно суть: пока сердце бьется, человек живет, когда оно останавливается, человек умирает.

Все оказалось предельно просто – настолько просто, что я в недоумении покачал головой и заплакал. Пока сердце бьется, человек живет.

Еще за три тысячелетия до Рождества Христова древние

китайцы называли сердце Императором среди всех человеческих органов. С тех пор прошли века, в течение которых люди тратили свои жизни на поиски Святого Грааля, источника вечной молодости или центра вселенной. Когда-то я их понимал, но теперь – перестал. Зачем искать так далеко, если самое важное здесь, рядом, бьется в груди каждого человека? И чем яснее я это сознавал, тем ближе, как мне казалось, я подходил к тому, чтобы исцелить Эмму.

Положив руку на грудь, я внутренним взором заглядывал в себя и шептал:

– Жизнь там, где течет кровь.

Глава 17

Как-то раз кто-то из моих одноклассников принес в школу отцовский «Плейбой» и во время перемены пустил его по рукам. Одного взгляда, брошенного на глянцевые страницы, оказалось достаточно, чтобы я понял: что-то здесь не так, что-то совершенно неправильно! Отчего-то я почувствовал себя настолько грязным, что мне захотелось принять душ. В глубине души я понимал: тот, кто сделал такое со всеми этими девушками, сфотографировал их, наверняка очень больной человек. Это говорило мне сердце.

Дальше я смотреть не стал. «Эмма тоже могла бы быть там», – думал я, возвращая журнал приятелю.

Нет, я вовсе не святой. И, конечно, мне тоже хотелось смотреть на голых женщин, но кроме этого желания во мне жило что-то еще – что-то такое, что подсказывало мне: я пришел в этот мир, чтобы вылечить Эмму. И пока мои глаза смотрели на яркий разворот, та часть меня, в которой обитала моя душа, содрогалась и корчилась от отвращения.

В тот день я возвращался домой в глубокой задумчивости. Я был смущен, растерян и не находил себе места. Эмма, конечно, сразу заметила, что со мной что-то не так, и спросила, в чем дело. Я все ей рассказал. Мы сидели на ступеньках ее крыльца, и, когда я закончил, она прижала меня к себе и поцеловала в щеку. И это было... это было так, словно

два сердца разговаривают друг с другом на языке, который понятен лишь им одним.

Да, у Эммы было слабое, больное сердце, но из него изливалось любви больше, чем из десятка крепких, здоровых сердец.

* * *

И вот настал момент, когда наша школьная учительница биологии уже не могла ответить на мои вопросы, поэтому я все больше времени проводил в библиотеке, внимательно прочитывая и запоминая все, что имело отношение к устройству человеческого тела. К концу выпускного класса я прочел несколько толстых учебников, предназначенных для слушателей подготовительных курсов при медицинском колледже, и несколько специальных исследований, рекомендованных для ознакомления студентам Гарвардского университета. И не просто прочел – я мог цитировать их страница за страницей, а закрыв глаза, видел перед собой схемы и диаграммы. Но по мере того, как я все глубже погружался в предмет, передо мной со всей очевидностью вставала одна проблема. Если, рассуждал я, я буду заниматься наукой, если стану изучать или даже создавать собственные теории, как вернуть к жизни слабое, больное, умирающее человеческое сердце, Эмме это вряд ли поможет. Похоже, в своем стремлении к знаниям я забрел куда-то не туда.

Как я понял, для чистой науки человеческое сердце было всего лишь объектом, которое следует препарировать, снабдить надписями и ярлычками, а потом поместить в банку с раствором формальдегида и поставить на полку, чтобы очкастый школьник со скобками на передних зубах мог охать и ахать. Научный подход казался мне слишком холодным, лишенным эмоций; даже то, что писали о сердце в медицинских книгах, казалось мне каким-то стерильным. Можно было подумать, что сердце – это всего лишь конгломерат клеток, соединенных с другими клетками.

О сердце в большинстве книг говорилось предельно просто: мол, это полый конусообразный мышечный орган размером с два кулака, разделенный на две изолированные половины продольной мускульной перегородкой, которая носит название септы. Каждая половина состоит из тонкостенной мускульной собирающей камеры, которая называется предсердием, и окруженной более толстым мышечным слоем выбрасывающей камеры, которая носит название желудочка. Именно желудочки сердца отвечают за прокачку через легкие крови, которая попадает в них через особые клапаны: справа расположены пульмональный и трехстворчатый клапаны, а слева – аортальный и двустворчатый митральный. В легких кровь обогащается кислородом и возвращается по пульмональным венам к сердцу, а оттуда, вследствие очередного его сокращения, попадает в артерии и растекается по всему телу. И этот цикл повторяется не однократно, а более

ста тысяч раз в течение дня, так что за сутки сердце перекачивает в среднем две тысячи галлонов³³ крови. Курение, высокое давление, врожденные болезни и повышенное содержание холестерина в крови могут отрицательно сказаться на способности сердца нагнетать кровь в артерии и вены и обеспечивать ее постоянную циркуляцию.

И так далее в том же духе... Как видите, в этом описании нет никаких особых чувств, словно речь идет не о важнейшем органе человеческого тела, а о водоотливном насосе, который с чавканьем откачивает грязь и нечистоты с вашего заднего двора. Я прочитал немало научных книг, но не встретил ни одной, в которой говорилось бы о *разбитом* сердце... Ни разу я не читал и о том, способно ли сердце чувствовать, и если да – что оно чувствует, почему и как. Увы, подобного рода знания, видимо, считались в научном мире неважными, излишними. Ценилось только понимание принципов и механизмов работы «конусообразного мышечного органа».

Неудивительно, что, прочтя целую гору подобной литературы, я отчаянно хотел отыскать человека, с которым можно было бы поговорить о сердце так, словно оно – живое, чувствующее, любящее. Человека, который описал бы в научной статье такое сердце, каким обладала Эмма.

И Эмма знала об этом моем желании, хотя я ей ничего не говорил.

³³ Американский галлон – мера жидких и сыпучих тел, равная 3,78 л.

Должно быть, она заметила страдальческое выражение, которое появлялось на моем лице, когда я ожесточенно сражался с научными трактатами, диаграммами и латинскими описаниями. В тот день мы как раз сидели в читальном зале за большим столом, обложившись каждый своими книгами. Из-за болезни Эмма не могла заниматься спортом и играть в активные игры; ее физическая активность была весьма и весьма ограничена (в том числе и врачебными запретами), поэтому она с нетерпением ждала наших походов в библиотеку, а бывали мы там почти каждый день. И каждый день на моей половине стола оказывались десятки научных книг, статей, методичек, написанных учеными людьми, профессорами биологии и медицины, считавшимися непревзойденными авторитетами в своих областях, тогда как рядом с Эммой лежали томики стихов, сочиненных по большей части давно умершими людьми: Кольриджем, Вордсвортом, Китсом, Теннисоном и Шекспиром.

Заметив мое разочарование, Эмма отложила в сторону «Потерянный рай» Мильтона и достала из рюкзака что-то завернутое в бумагу. По размеру это «что-то» как раз напоминало довольно толстую книгу уменьшенного формата, но рассмотреть подробнее я не успел: Эмма спрятала сверток за спину. Взяв меня за руку, она вывела меня из-за стола и потащила за собой в узкий проход между книжными полками, где нас не могла увидеть библиотекарьша. Именно там, в окружении накопленной человечеством тысячелетней муд-

рости – среди томов, набитых рафинированным знанием, собранным за века биологией, физиологией и медициной, Эмма доказала мне, что ей – хоть она и не читала ни одной из этих книг – известно о жизни больше, чем всем этим профессорам вместе взятым.

Откинув в сторону упавший мне на глаза чуб, она коснулась пальцами моей груди и сказала:

– Знаешь, Риз, мне давно кажется, что все эти книги не сообщат тебе самого главного, поэтому скажу я... Сердце человека состоит из двух половинок: одна качает кровь, а другая – любит. Ты обязательно должен знать об этом, если собираешься всю жизнь лечить больные сердца, потому что одну половинку без другой вылечить невозможно. – Она улыбнулась и прижала мою ладонь к своему сердцу. – Уж я-то знаю...

Эмма достала из-за спины обернутую в бумагу книгу, приложила к моей груди и отступила назад, так что я волей-неволей вынужден был взять подарок в руки. Развернув бумагу, я увидел томик Шекспира.

В последующие несколько месяцев Эмма позаботилась, чтобы мы как можно чаще читали друг другу вслух стихи и пьесы из моей книги. Уже очень скоро мы стали обращаться друг к другу, цитируя оставшиеся в памяти стихотворные строки. Мы делали это так часто, что даже Чарли, которому очень не нравилось, когда мы начинали разговаривать на классическом английском шестнадцатого столетия, стал нам

подыгрывать.

Однажды в субботу вечером мы втроем собрались в кино. Увидев, что я подхожу к дому, Эмма вскинула руки и продекламовала:

– «О, милый Гамлет, ты рассек мне сердце!»³⁴

Обернувшись на меня через плечо, Чарли буркнул:

– «Прошу тебя, следи за ней позорче!»³⁵

Я, однако, не растерялся; вскочив на крыльцо, я опустился перед Эммой на колени и взял ее руку в свою.

– «Отбросьте же дурную половину и с лучшей живите в чистоте!..»³⁶ – воскликнул я.

И по сей день я считаю это пожелание лучшим, какое только можно придумать.

³⁴ Перевод М. Лозинского.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Глава 18

По случаю вечера накануне субботы все четыре неоновые рекламные вывески в широком окне «Колодца» были включены и мигали как сумасшедшие. Над коньком крыши светила еще одна реклама – составленная из неоновых огоньков фигура грудастой женщины, одетой только в широкополую шляпу и ковбойские сапоги на высоченном каблуке.

По большому счету «Колодец» – явление для Клейтона совершенно нехарактерное. Во многих аспектах этот бар выглядит таким же чужеродным, как бейсбольный мячик в футболе или покерные фишки в церкви. Само здание было в свое время построено из больших валунов, привезенных с побережья озера, причем некоторые камни достигают размеров пляжного мяча. Их слегка обтесали и, взгромоздив друг на друга, скрепили раствором, возведя стены, толщина которых составляет никак не меньше двух футов. Огромные, грубо обтесанные кедровые стропила поддерживают крышу из колотого кедрового гонта, который почти сплошь порос ярко-зеленым мхом. Гирлянды мха свисают с края крыши, красиво обрамляя огромную входную дверь, которая когда-то служила крышкой грузового люка на пароходе, бороздившем Северное море. Толщина двери составляет шесть дюймов, а ее площадь – без малого восемь квадратных футов; сделана она из досок почти футовой ширины и окована тре-

мя стальными полосами. Дверь установлена на специальных полозьях, поэтому, чтобы войти, ее нужно не толкать, а сдвигать в сторону, однако и это задача не из легких, и не каждый с ней справится.

Рассказывают, что это здание построил в пятидесятых годах какой-то чудаковатый отшельник, который ужасно боялся ядерной войны с Кубой. Как бы там ни было, подвал в доме выглядит таким же капитальным, как и само здание. Он врезан глубоко в скалу, и – после того как отшельник вместе со своей собакой отправился по Аппалачской тропе³⁷ в Мэн (с тех пор о нем не было никаких известий) – действительно некоторое время считался противорадиационным укрытием для жителей административного центра округа. Благодаря толстым каменным стенам в «Колодце» летом всегда прохладно, зимой же его прекрасно согревает огромный, шестифутовой ширины, очаг.

Здание на протяжении нескольких лет пустовало, пока его не приобрел Дэвис Стайпс. Личность Дэвиса, или Монаха, как мы частенько его называем, имеет не менее загадочный ореол, чем бесследное исчезновение прежнего владельца. На вид ему лет сорок с небольшим, а носит он гавайские рубашки, обрезанные джинсы и шлепанцы. Глядя на него, не скажешь, что этот человек защитил диссертацию по теоло-

³⁷ Аппалачская тропа – самая длинная в мире размеченная пешеходная туристская тропа через Аппалачи; имеет статус «Национальной заповедной туристской тропы».

гии, хотя Дэвис имеет сразу две ученых степени. Сын кадрового военнослужащего, он появился на свет в Англии, где его отец служил инструктором на базе британских парашютно-десантных частей. В юности Дэвис много ездил по всему миру – я не знаю другого человека, который бы столько путешествовал. Он посещал университеты и семинары в Европе, а в двадцать с небольшим и вовсе куда-то пропал почти на целое десятилетие. Считается, что пять лет Дэвис провел в каком-то испанском монастыре, где, опять же по слухам, принял обет молчания, выдержав весь положенный срок. Дэвис ни разу не был женат, но сейчас утверждает, что открыт для любых серьезных предложений.

Подробности его «потерянных лет» остаются весьма туманными, однако это никого не удивляет: в Клейтоне и окрестностях всегда хватало людей, хранящих какие-то секреты. Немало тайн скрывает и само озеро Бертон. О Дэвисе известно, что его родители умерли, пока он подвизался в испанском монастыре, и он похоронил их в Лондоне, на берегу Темзы. Прочтя отцовское завещание, Дэвис с удивлением узнал, что родители владели небольшим – всего-то в десять акров – участком земли на берегу озера Бертон. Возможно, они хотели построить там летний домик, возможно, возвести жилище более капитальное, чтобы жить в нем на пенсии. Как бы то ни было, Дэвис вылетел в Штаты, собираясь выставить участок на продажу, но, объехав озеро кругом и остановившись на засыпанной гравием дорожке у Бертон-

ского кемпинга, неожиданно передумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.